

Алексей Ракитин

**Американские трагедии.
Хроники подлинных уголовных
расследований. Книга VIII**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований. Книга VIII / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608101-7

Восьмая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из истории американской преступности разных лет. Помимо необычных и полных драматизма криминальных конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX веков, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

ISBN 978-5-00-608101-7

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Дело Сэма Шэппарда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований. Книга VIII

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0060-8101-7 (т. 8)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело Сэма Шэппарда

Кливленд, город на берегу озера Эри в штате Огайо, уже хорошо знаком читателям «Загадочных преступлений прошлого». Именно здесь в 30-х годах 20-го столетия имела место мрачная череда серийных убийств с расчленением тел жертв, вошедшая в историю мировой криминалистики. Очерк об этом (так и не раскрытом) криминальном «сериале» можно найти на нашем сайте. Но Кливленд известен в США не только своим «Безумным Мясником», но и детективной историей совершенно иного рода. Историей настолько неординарной и запутанной, что её изложение с полным правом следует разместить на нашем сайте.

Начало 50-х годов 20-го века можно обоснованно назвать «золотым временем Америки». Страна, разбогатевшая на Второй мировой войне, наслаждалась материальным изобилием: роскошные автомобили, доступное жильё, дешевизна всех товаров – от продуктов питания до ювелирных украшений. Места на этом празднике жизни, казалось, должно хватить всем. Кливленд, некогда криминальное гнездо и порочная клоака, превратился в спокойный, трудолюбивый город. Шутка ли сказать, в его западных пригородах за 10 лет (в 1945—55 гг.) имело место всего 1 нераскрытое убийство!

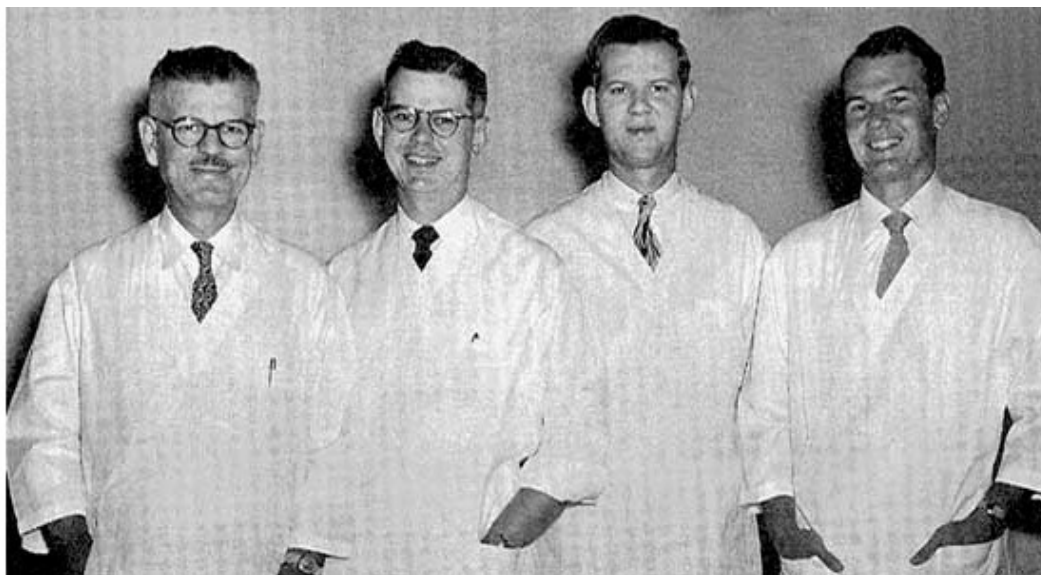
Городок Бэй-виллидж, западный пригород Кливленда, вытянувшийся вдоль озера Эри, являлся местом респектабельным и даже престижным: утопающие в зелени дома, богатые белые жители, полиция численностью всего-то в пять человек (три рядовых сотрудника, сержант и начальник). По прихоти судьбы именно здесь в ночь с 3 на 4 июля 1954 г. в доме уважаемого всеми врача Сэмюэля Шэппарда развернулась кровавая драма.

Сэм Шэппард на момент описываемых событий достиг 30-летнего возраста с весьма неплохими жизненными результатами. Женился он ещё в 1945 г. по любви и вроде бы вполне удачно. Со своей будущей женою Сэм познакомился ещё в школьные годы, произошло это в 1937 г. Мэрилин была на год старше мужа, у них рос замечательный сын, Сэм-младший, родившийся в 1947 г.

«Все семьи счастливы одинаково», – утверждал классик. Семейная идиллия четы Шэппард: ещё все живы, здоровы и богаты.

Мэрилин в июле 1954 г. была на четвёртом месяце беременности. Сэмюэль Шэппард являлся продолжателем семейного дела – его отец Ричард и братья Ричард и Стив – являлись врачами-остеопатами. В те годы такого рода специалисты не считались врачами, и диплом врача-костоправа не признавался полноценным документом о высшем медицинском образовании, тем не менее остеопаты были весьма популярны среди пациентов и зарабатывали очень прилично.

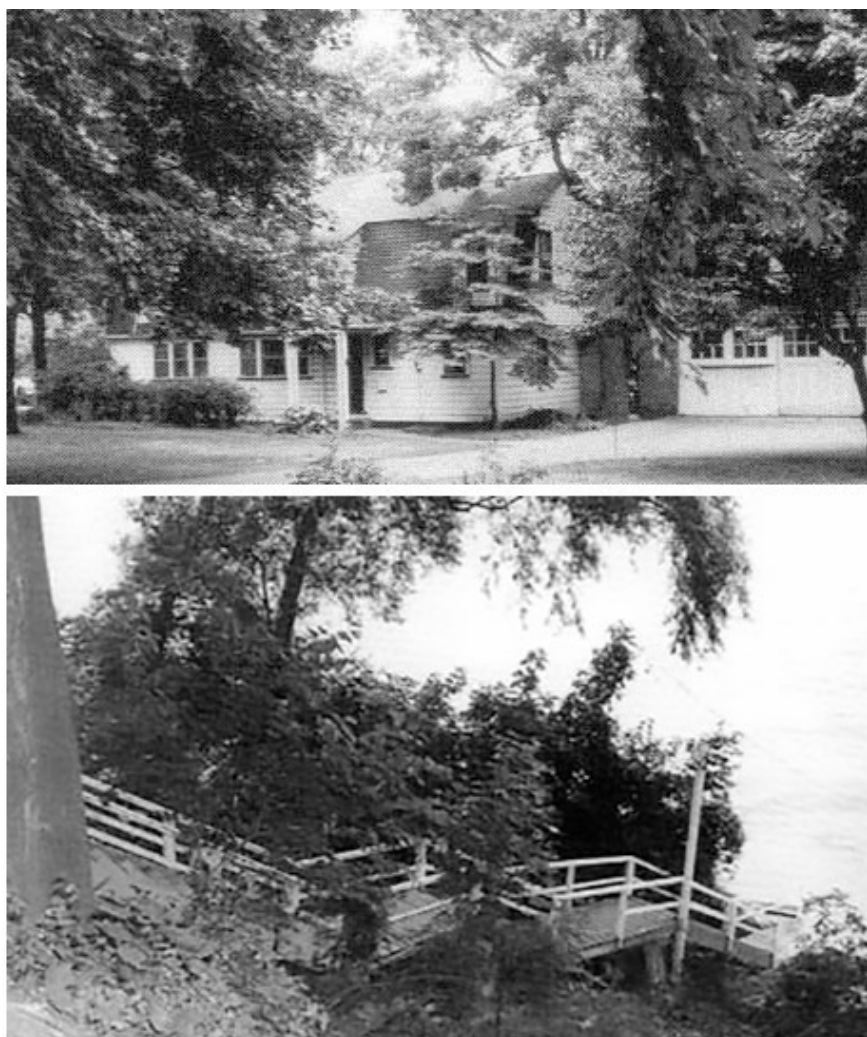

Клан Шэппардов: Ричард и трое его сыновей – Стивен, Ричард и Сэмюэль. Все занимались остеопатией, работали в больнице «Бэйвью» («Bay View Hospital»), заслуженно пользовались репутацией очень компетентных специалистов.

К своим 30 годам Сэм не только купил прекрасный дом по адресу Бэй-виллидж, Лейк-роад, №28924, но и оплатил две дорогие автомашины: огромный «линкольн-континентал» с кожаным салоном для семейного отдыха и спортивный «ягуар» – для собственных поездок на работу.

3,4 и 5 июля являлись в 1954 г. нерабочими днями (4 июля – День независимости, государственный праздник США). Однако для Сэма Шэппарда 3 июля оказался рабочим днём, и притом весьма напряжённым. Он не только отстоял свою смену, но и около 17:00 был повторно вызван в больницу к мальчику, серьёзно травмированному в результате ДТП.

Вечером Мэрилин и Сэм Шэппарды принимали друзей – Нэнси и Дональда Ахерн с детьми. Мужчины возились с малышкой – сначала боксировали по груше, затем подвесили корзину и принялись играть в баскетбол на лужайке перед домом. Женщины тем временем приготовили коктейли и горячие бутерброды. После ужина Ахерны увезли своих детей и уложили спать, но вернулись в дом Шэппардов, и вечеринка продолжилась. Мэрилин тем временем уложила спать Сэма-младшего. Спальня сына находилась на втором этаже дома рядом со спальней родителей (однако общей стены комнаты не имели – их разделяли гардеробные, что немаловажно в контексте последовавших событий).

Вот оно – скромное обаяние буржуазии: дом четы Шэппард в богатом пригороде Кливленда на берегу озера Эри. Собственный кусочек пляжа, спуск к воде, начинающийся прямо от дома.

Примерно до полуночи взрослые общались, пили коктейли и смотрели по телевизору кинофильм "Strange holiday" в большой гостиной на первом этаже дома. Сэм Шэппард, утомлённый событиями долгого дня и захмелевший от выпитого алкоголя, стал засыпать. Около полуночи Нэнси и Дон Ахерн засобирались домой; их проводила Мэрилин, закрывая за гостями входную дверь.

Примерно в 05:45 4 июля Сэм Шэппард-старший позвонил по телефону мэру Бэй-виллидж Спенсеру Хоуку и прокричал: "Ради Бога, Спен, давай скорее сюда! Я думаю, они убили Мэрилин!"

Уже в 05:52 Спенсер и его жена Эстер прибыли в дом доктора. Они обнаружили Сэма сидящим на стуле в гостиной первого этажа и сжимавшим руками собственную шею; лицо его было разбито, уголок рта – разорван. Он производил впечатление не совсем адекватного человека, иногда протяжно стонал, впрочем, сознания не терял и мог отвечать на вопросы.

Эстер и Спенсер Хоук жили по той же самой Лэйк-роад, что и Шэппарды; их дома разделяли два участка. Хоуки никогда не были особенно дружны с семьёй Шэппард, что объяснялось заметной разницей возрастов. То, что Сэм позвонил именно Спенсеру Хоуку, сбивало с толку всех, занятых расследованием убийства Мэрилин Шэппард. Чета Хоук, вроде бы совершенно случайно попавшая в самый эпицентр «дела Шэппарда», окажется связанной с ним навсегда. Мы увидим, что даже по прошествии многих лет истинная роль этих людей в случившемся будет подвергаться самому пристрастному вниманию.

Спенсер Хоук поднялся в супружескую спальню на втором этаже, где обнаружил в кровати, залитой кровью, труп Мэрилин. Женщина была изувечена; лицо её оказалось разбито до такой степени, что его черты невозможно было разобрать. Сбежавший вниз мэр тут же позвонил в местное отделение полиции, этот звонок был зафиксирован в 05:58.

В 06:02 на место трагедии прибыл первый полицейский – 27-летний Фред Дренкхан. Убедившись, что Мэрилин Шэппард мертва, Дренкхан вызвал начальника местной полиции Джона Итона и сделал необходимое сообщение в отдел убийств Кливлендского управления полиции. Поскольку отделение в Бэй-виллидж не имело своего уголовного розыска, расследование преступления должно было принять на себя соответствующее подразделение из Кливленда.

После этого Дренкхан приступил к детальному осмотру спальни, дома и территории вокруг него.

Пока он был занят этим важным делом (о том, как полицейский с ним справился, разговор предстоит отдельный), в доме Шэппардов появились братья хозяина – Ричард и Стив. Ричард по просьбе мэра Хоука осмотрел спальню и констатировал смерть Мэрилин. После этого провёл осмотр Сэма и понял, что тому нужна срочная госпитализация (с машиной "скорой помощи" приехал Стив, дежуривший в больнице). Последний забрал Сэма в больницу; Ричард же, разбудив 7-летнего Сэма-младшего, быстро вывел его из дома, не разрешив войти в спальню родителей. Он увёз мальчика в свой дом, где тот в дальнейшем и находился.

В половине седьмого из Кливленда прибыл первый детектив отдела убийств городской полиции – Майкл Грабовский, чуть позже к нему присоединились детективы Патрик Гаро и Роберт Шоттк. Около восьми часов утра в дом Шэппардов приехал коронер (председатель «коронерского жюри» – в англо-американском правосудии это выборная должность низшего судебно-арбитражного органа, в чьей компетенции находится выяснение причины смерти и решение вопроса о возбуждении уголовного дела; аналогов в отечественной правовой системе ему нет). Коронером являлся Сэмюэль Гербер, упоминаемый в другом моём криминальном очерке – «Безумный Мясник из Кливленда». Хотя с того времени, когда в Кливленде орудовал «Безумный Мясник», минуло уже почти 20 лет, Гербер продолжал оставаться коронером. (Он поставил рекорд, не имеющий аналогов в истории американской правовой системы,

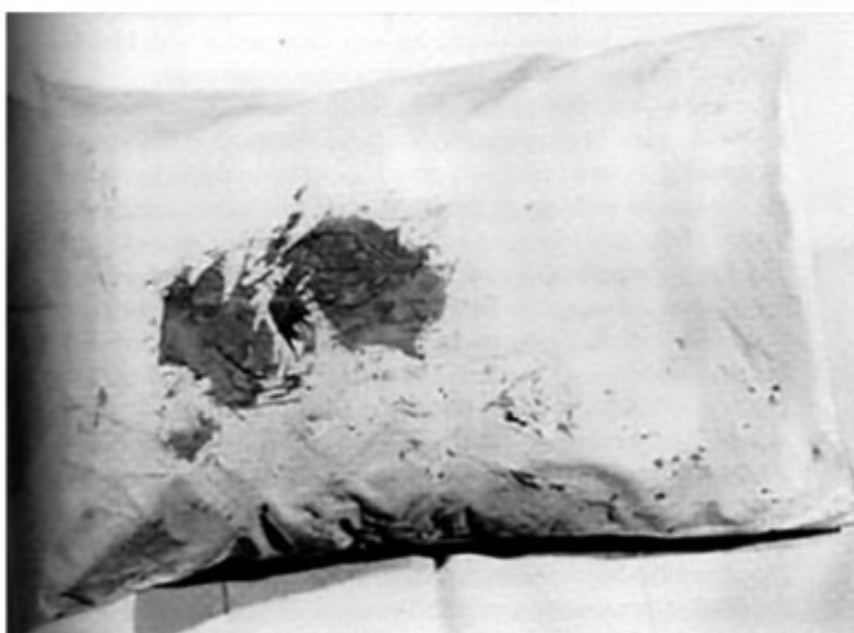
избираясь на должность коронера 13 сроков подряд; всего же Гербер оставался в этой должности 50 лет – с 1936 г. по 1986 г.).

Детектив Роберт Шоттк (фотография слева) и коронер Сэмюэль Гербер. Последний немало наворотил чудес в «деле Шэппарда». Самодовольный популист и демагог, чрезвычайно дороживший мнением прессы, Гербер умудрился проработать коронером 50 лет, написать книгу воспоминаний «Врач в суде» и даже сделаться профессором местного университета – и всё это без сколь-нибудь по-настоящему заметных успехов. По иронии судьбы он оказался причастен к двум сенсационным расследованиям («Безумного Мясника» и «делу Шэппарда») и в обоих умудрился проявить себя далеко не с лучшей стороны.

По своему образованию Гербер был врачом, поэтому почитал себя специалистом во всех науках сразу – от судебной медицины до юриспруденции и социологии. Он не мешкая прошёл наверх, в спальню, и лично провёл осмотр трупа и места преступления. Основываясь на результате этого осмотра, он заключил, что убийство Мэрилин Шэппард произошло достаточно давно – в интервале от 3 до 3:30 часов ночи. Кроме того, Гербер на глаз определил количество полученных погибшей ран: примерно 35.

Уже после появления Гербера полицейский Фред Дренкхан приступил к фотографированию места преступления и обстановки в доме. При осмотре комнат в здании полицейские и коронер установили, что ящики рабочего стола Шэппарда-старшего в гостиной первого этажа выдвинуты и сложенные там вещи как будто бы находятся в беспорядке. Несколько конвертов и марки почтовой оплаты валялись на полу, словно обронённые кем-то, кто довольно небрежно копался в столе. Позади стола была найдена небольшая жестяная коробочка, в которой лежали золотые женские часики, забрызганные кровью. Они остановились в 3:15; впоследствии было установлено, что эти часики принадлежали убитой. Кроме того, оказалось, что чемодан с медицинскими принадлежностями Сэма Шэппарда раскрыт и его содержимое вывалено на пол.

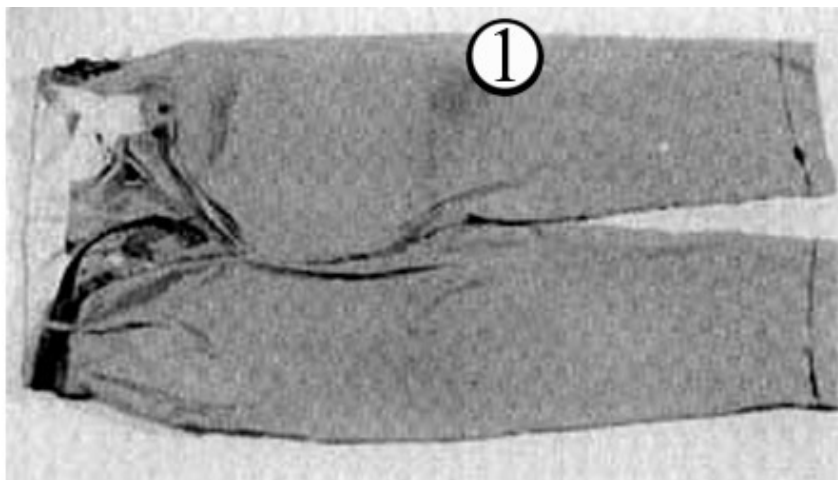
Эти фотографии демонстрируют положение тела Мэрилин Шэппард в кровати и подушку в изголовье. По мнению коронера Гербера, странный кровавый след на подушке был оставлен орудием убийства (неким «медицинским инструментом»), которое преступник положил туда, а затем унёс с собою.

После 9 часов утра коронер Гербер и начальник полиции Бэй-виллидж Итон отправились в больницу, чтобы поговорить с Сэмом-старшим. Стив Шэппард запретил официальный допрос брата, поскольку тот находился под действием транквилизаторов и был неадекватен, однако частным образом разрешил задать несколько вопросов.

Пострадавший рассказал, что уснул на кушетке в гостиной первого этажа. Посреди ночи его разбудил то ли крик, то ли зов жены; Мэрилин как будто бы произнесла его имя один или два раза. Он взбежал наверх, в спальню, где увидел крупного мужчину в белой рубашке, склонившегося над кроватью Мэрилин. При появлении Сэма незнакомец повернулся к нему и сделал несколько шагов навстречу. Видимо, он как-то ударил Сэма, потому что тот потерял сознание. Как именно незнакомец нанёс удар и каким для этого воспользовался орудием, пострадавший припомнить не мог. Пришёл он в себя позже оттого, что лунный свет попадал ему в глаза, отражаясь от металлического значка, укрепленного на его собственном портмоне, лежавшего на кровати. Между тем, Сэм Шэппард точно помнил, что прежде это портмоне находилось в кармане его брюк. Он догадался, что незнакомец, оглушивший его, обыскал карманы. Сэм находился в сидячем положении, привалившись к кровати, в которой лежала Мэрилин; он попытался нащупать пульс жены, но не нашёл его и понял, что та мертва. Тогда Сэм поднялся и прошёл в комнату сына; убедившись, что с ребёнком всё в порядке, он возвратился в свою спальню. Тут до него донёсся шум из гостиной первого этажа, и Сэм понял, что преступник всё ещё находится в доме. Сэм сбежал по лестнице вниз и увидел, что незнакомец, видимо, услышавший шум его шагов, выскочил через чёрный выход. Шэппард бросился за ним; с высоты крыльца он увидел, что неизвестный сбегает вниз, к озеру Эри, по длинной деревянной лестнице с перилами, устроенной на участке позади дома. Сэмюэль побежал следом. Преступник, достигнув конца лестницы, остановился возле воды и подождал своего преследователя, после чего напал на него. Сэм снова потерял сознание, а когда пришёл в себя – понял, что находится в воде, в полосе прибоя; голова и плечи его находились на песке, а торс и ноги – в воде. Шэппард сумел подняться и направился к дому, откуда позвонил Спенсеру Хоуку. На вопрос о том, заметил ли он исчезновение из дома каких-либо вещей, Сэмюэль ответил отрицательно, упомянув лишь о том, что из его портмоне пропали наличные деньги; точную сумму он припомнить не смог, сказав, что она была в пределах от 30 до 50 \$. Вместе с тем 60 \$, спрятанные под кожаную обложку портмоне, преступник не заметил, и они остались на своём месте. Кроме того, по словам Сэмюэля, из его медицинского саквояжа исчезли ампулы с морфием и демеролом (другое название – петидин), довольно сильным обезболивающим средством, применяемом остеопатами при вправлении вывихов суставов и совмещении осколков сломанных костей.

Гербер и Итон заинтересовались состоянием Сэма Шэппарда. Оказалось, что у него расколот первый позвонок (с незначительным смещением осколка), имеется гематома в височной области, разорван рот. Лишь чудом тяжёлая травма позвоночника не привела Сэма Шэппарда к параличу.

Начальник полиции изъясил одежду пострадавшего, после чего Итон и Гербер ушли.

Брюки Сэма Шэппарда с небольшим замытым пятном крови (обозначено цифрой «1»). Именно будучи в этих брюках, он, по его словам, боролся с неизвестным убийцей. Футболку Шэппарда найти не удалось; по мнению полицейских, крови на футболке должно было быть намного больше.

В то самое время, пока они находились в больнице, детективы Шоттк и Гаро опрашивали соседей. Параллельно с этим осуществлялось прочёсывание участка, на котором находился дом Шэппардов. Для этого полицейские собрали группу местных школьников. Один из них – по странной игре случая им оказался Ларри Хоук, сын Спенсера и Этель – отыскал в кустах, неподалёку от чёрного хода, тряпичный зелёный мешочек, внутри которого оказались следующие предметы:

- золотые часы Сэма Шэппарда с каплей засохшей крови, остановившиеся в 5:00;
- золотое кольцо студенческого союза Ганноверского колледжа, также принадлежавшее Сэмюэлю Шэппарду;
- ключи от дома.

Часы Сэма Шэппарда с небольшой каплей крови, найденные в зелёном мешочке в кустах позади дома. Детективы справедливо предположили, что преступник, убивший Мэрилин Шэппард и успешно отбившийся от её мужа, не имел никаких оснований выбрасывать эти часы.

В целом же осмотр вещественных улик, дома, прилегающей к нему территории и опрос соседей позволили полицейским вычленить следующие детали, существенные для понимания произошедшего здесь в ночь с 3 на 4 июля 1954 г.:

- двери и окна дома не имели следов взлома; на момент прибытия полиции парадный и чёрный входы оказались открыты;

- часы Мэрилин Шэппард, найденные на первом этаже между столом и стенкой, остановились в 3:15;

- Мэрилин Шэппард имела обыкновение обходить вечером дом и проверять закрытие дверей и окон; супруги Ахерн, покидавшие дом Шэппардов после полуночи, утверждали, что Мэрилин закрыла за ними парадную дверь на замок;

- предметы обстановки, окружающие кровать Мэрилин Шэппард, оказались забрызганы кровью. Пятна крови были найдены на северной и южной стенах спальни, прикроватной тумбочке, радиаторе отопления, входной двери и на прочих предметах. Правда, в результате некомпетентных действий полиции в протокол осмотра места преступления попало упоминание лишь о том, что кровью была забрызгана входная дверь;

- в кровати погибшей оказались найдены осколки двух передних резцов, вырванных из её рта;

- при тщательном осмотре дома детектив Грабовский обнаружил пятно крови в гостиной на первом этаже, у лестницы. Окровавленный фрагмент паркета был извлечён и приобщён к делу в качестве улики;

- на момент прибытия полиции свет в спальне был погашен. Супруги Хоук утверждали, что не касались выключателя, то же утверждал и Сэм Шэппард-старший;

- из спальни, явившейся местом преступления, исчезла лампа-ночник, стоявшая на тумбочке возле кровати Мэрилин;

- ночь с 3 на 4 июля была лунной и безветренной, ширина линии прибоя на озере Эри не превышала 1,2 м;

- следов борьбы на пляжном песке обнаружить не удалось;

- патрульный Дренкхан, прибывший на место преступления первым из полицейских, видел на трёх самых верхних ступенях лестницы, спускавшейся к озеру, влажные пятна, которые могли быть оставлены ногами. Подобное же пятно он видел на втором этаже дома возле лестницы;

- в доме имелась собака, однако никто из соседей не слышал её лая ночью. Сэм Шэппард признавал, что не может вспомнить, лаяла ли собака;

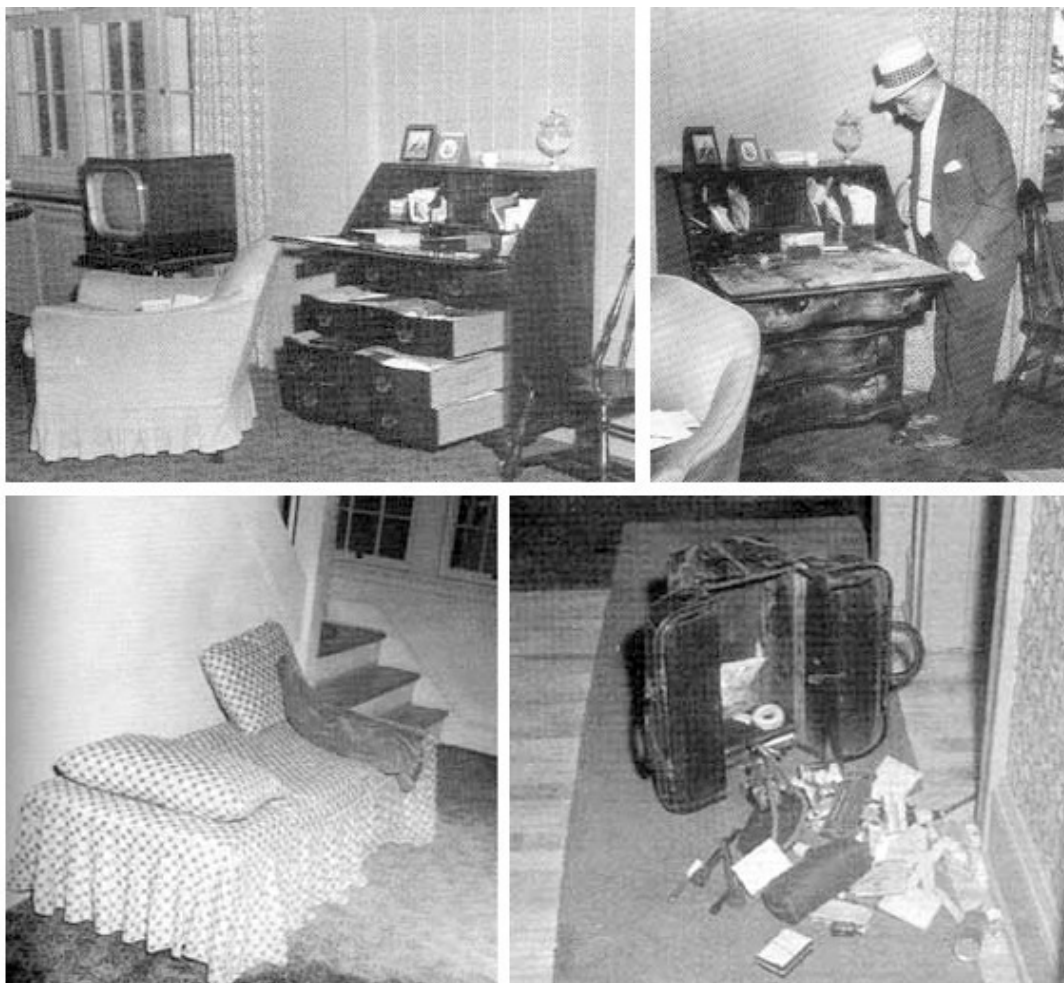
- Сэм Шэппард-младший, находившийся ближе всех к месту трагедии, не был разбужен и спокойно проспал до 06:30, когда его поднял с кровати дядя Ричард;

- к моменту прибытия полицейских (то есть в начале седьмого часа утра) Сэм Шэппард имел сухие волосы; его штаны также казались сухими; на левой штанине при тщательном осмотре был замечен размытый кровавый след;

- супруги Ахерн утверждали, что в момент расставания после полуночи Сэм-старший был одет в белую футболку; между тем, утром 4 июля все видели его с голым торсом. Сэм не мог объяснить, когда и для чего снял футболку, и где она находилась теперь;

- зелёный мешочек с вещами, найденный возле дома Шэппардов, был взят из медицинского саквояжа Сэма (там были обнаружены точно такие же мешки);

- некоторые из жителей Бэй-виллидж утверждали, будто Сэм Шэппард-старший имел роман с лаборанткой больницы "Бэйвью" Сьюзен Хейс.

Слева сверху: письменный стол-бюро с выдвинутыми ящиками, находившийся в гостиной комнате 1-го этажа; между ним и стеной была найдена жестяная коробочка с окровавленными часами Мэрилин Шэппард, остановившимися в 3:15. Вверху справа: коронер Сэм Гербер осматривает письменный стол; коронер чрезвычайно любил фотографироваться в местах совершения преступлений, демонстрируя свою компетентность и деловитость. Внизу слева: тахта перед телевизором в гостиной 1-го этажа, на которой уснул Сэм Шэппард. Внизу справа: докторский саквояж Сэма Шэппарда с вывалившимися из него инструментами и лекарствами; согласно утверждению доктора, из саквояжа пропали ампулы морфия и демерола (8 штук).

Уже на этом – самом первом этапе дознания – полицейские допустили ряд серьёзных просчётов. Вещи, найденные возле дома, побывали в руках большого количества людей, что сделало бессмысленным их дактилоскопирование. В описании места преступления были допущены существенные пробелы, важные для понимания произошедшего. Протокол осмотра места преступления не отметил положения штор на окнах спальни (были ли они открыты или задёрнуты); этот документ ничего не сообщал о росших за домом деревьях (закрывали ли их ветви окна второго этажа), какова была ориентация дома относительно сторон света. Эти обстоятельства были важны для последующей проверки правдоподобности рассказа Сэма Шэппарда.

В полицейском протоколе были допущены и иные погрешности и откровенные ляпы, на которых придётся остановиться в дальнейшем. Кроме того, полиция забыла опечатать дом, явившийся местом преступления, и он некоторое время простоял открытым и доступным для осмотра всеми желающими. Впоследствии этот факт полицейские постарались скрыть, ибо

он слишком красноречиво характеризовал воцарившуюся 4 июля в Бэй-виллидж неразбериху и некомпетентность местных стражей порядка.

Тем не менее, удовлетворившись полученными сведениями, коронер Гербер и детектив Шоттк примерно в 11:30 снова отправились в больницу к пострадавшему. Сэм Шэппард, несмотря на действие седативных лекарств, не спал. Он согласился ещё раз пообщаться с судьёй и полицейским, разумеется, без записи в протокол. Разговор продолжался около полутора. Сэм Шэппард повторил свой прежний рассказ о событиях минувшей ночи и категорически отверг существование интимных отношений со Сюзен Хейс. Он не смог объяснить, куда исчезла его футболка, почему его ручные часы оказались за домом и каким образом преступник смог проникнуть в дом без взлома окон и дверей. Выходя из палаты Шэппарда около полудня, детектив Шоттк бросил ему в лицо: "Это вы убили свою жену, и мы намерены это доказать!"

Вечером 4 июля 1954 г. Сэма Шэппарда обследовал врач Чарльз Элкинс, назначенный полицией. Он констатировал наличие у пострадавшего сотрясения спинного мозга, перелом и частичное смещение первого позвонка, наличие обширной гематомы на правой стороне лица, разрыв правого уголка рта, сколы четырёх зубов.

По просьбе Стива Шэппарда, брата пострадавшего, в тот же день Сэма обследовал и невропатолог Хекстер, который дополнил список Элкинса указанием на исчезновение рефлексов в бёдрах и брюшной области Сэма. Данный симптом, не поддающийся симуляции, указывал на серьёзность полученной травмы позвоночника.

Сэм Шэппард в больнице.

Зверское убийство в доме Шэппардов потрясло Бэй-виллидж и весь Кливленд. Уже 4 и 5 июля практически все газеты штата Огайо сообщили о кровавой драме. В дальнейшем интерес к произошедшему только нарастал.

Уже в первые дни после убийства Мэрилин Шэппард детективам удалось отыскать важных свидетелей. Некая Дорис Бендер, жившая через дорогу от дома Шэппардов, на протяжении долгого времени видела свет в доме, явившемся местом преступления. Между тем, согласно рассказу Сэма Шэппарда, свет в доме не зажигался.

Буквально в ста метрах от лестницы, по которой якобы сбегали к озеру преступник и Сэм Шэппард, находился лодочный пирс. Там в ночь с 3 на 4 июля распивали пиво трое мужчин. Они разошлись только под утро, но за те несколько часов, что провели на пирсе, никто из них не заметил и не услышал ничего подозрительного.

Эта информация только усиливала недоверие полицейских рассказу Сэма Шэппарда, но до тех пор, пока он не дал официальных показаний, детективам приходилось держать свои подозрения при себе.

Между тем, 6 июля 1954 г. Сэм Шэппард-старший по настоятельной просьбе родственников пригласил к себе в больницу опытного адвоката Уильяма Корригана и предложил тому представлять его интересы на время полицейского расследования.

Судебно-медицинское исследование трупа Мэрилин Шэппард осуществил доктор Лестер Аделсон, ассистировал ему Томас Дозьер. Надо сказать, что представленный следствию (и впоследствии суду) документ оказался довольно странен. В дальнейшем мы увидим, что некомпетентность работы судебного медика весьма и весьма способствовала запутыванию дела. Невольно приходят на ум слова известного французского судебного врача Лакассаня, любившего повторять, что "огрехи некомпетентного анатомирования не поддаются исправлению". Аделсон не сделал многого из того, что должен был сделать, и самое главное – не исследовал должным образом вопрос о возможном изнасиловании жертвы и не описал состояние плода.

Судебный врач констатировал смерть, последовавшую в результате неоднократного травмирования лобных и височных костей черепа с их раздроблением на мелкие фрагменты и разделением лобного шва. Смерть наступила от двустороннего субдурального кровоизлияния и очаговых субарахноидальных кровоизлияний в обоих полушариях мозга. По мнению анатома, орудием убийства явился тупой предмет. Время наступления смерти определялось интервалом от 3 до 4 часов ночи 4 июля 1954 г. Следов вагинального или анального изнасилования обнаружено не было. В заключении отмечалось, что убийца нанёс жертве не менее 35 ран, то есть подсчёт врача удивительным образом совпал с оценкой коронера Гербера, осматривавшего труп всего-то пару минут! (Здесь необходимо отметить, что точное количество ударов, нанесённых жертве, точно установить не удалось. Отставной "профилёр" ФБР Грег МакКрэри, ознакомившийся в 1999 г. с подлинными материалами расследования "дела Шэппарда", со ссылкой на заключение судебного медика написал о 35 ударах по голове. Между тем, на судебном процессе 1954 г. обвинитель со ссылкой на тот же самый документ говорил о 27 ударах. Автору настоящего очерка не удалось отыскать текст протокола судебно-медицинского исследования трупа, поэтому полной ясности в этом вопросе нет. Для нас важно то, что количество полученных Мэрилин Шэппард ударов действительно было велико.) Практически все причинённые жертве ранения признавались безусловно смертельными, способными повлечь гибель в интервале от нескольких минут до получаса с момента нанесения.

7 июля 1954 г. состоялись похороны Мэрилин Шэппард, на которых присутствовал Сэм, отпущенный из больницы. Он передвигался в инвалидной коляске, его постоянно сопровождал медбрат из больницы. Сэм-младший на похоронах матери не присутствовал.

Только ленивый журналист не сфотографировал Сэма Шэппарда-старшего, плакавшего на кладбище Knollwood в пригороде Кливленда. Пресса готовилась пожать плоды неизбежного скандала, поскольку из источников, близких к коронеру и полиции, уже было известно о возникших в адрес потерпевшего подозрениях. Пищи для сплетен в тот же день подбросил помощник прокурора округа Кайохога Джон Михан, назвавший поведение Сэма Шэппарда "скандальным". Его негодование вызвал тот факт, что человек, которого полиции не разрешают допрашивать, свободно покидает больницу и перемещается по городу (под "свободным перемещением по городу" помощник шерифа подразумевал посещение церкви и кладбища).

На следующий день – 8 июля 1954 г. – Сэм Шэппард-старший попросил полицию допустить его в дом для того, чтобы забрать некоторые личные вещи, необходимые в обиходе: обувь, одежду и тому подобное. В сопровождении наряда полиции он посетил собственный дом, бывший ещё несколько дней тому назад родным и уютным; теперь же Сэмюэль оказался вынужден перемещаться в здании под контролем полицейских и выбирать вещи под запись в протоколе.

На лужайке перед домом Шэппарда и его эскорт встретила толпа журналистов, зевак и моментально сбежавшихся соседей. Сэмюэль был поражён видом десятков людей, беззастенчиво фотографировавших и глазевших на него. Он потребовал от полиции убрать всех этих людей с принадлежащего ему участка земли; как нетрудно догадаться, полиция этого делать не стала.

Вечером 8 июля Сэм Шэппард в сопровождении детективов посетил свой дом, всё ещё охранявшийся полицией как место совершения преступления, для того, чтобы забрать личные вещи.

Сэм Шэппард разумно решил не обострять конфликт с журналистами и пригласил в дом корреспондента кливлендской газеты "News", которому дал первое с момента убийства жены интервью. Во время беседы с репортёром, не сдержав эмоций, Сэмюэль расплакался. Он пообещал заплатить 10 тыс.\$ за информацию, способную изобличить убийцу жены. Сэмюэль особо подчеркнул, что не уклоняется от разговора с полицией и если этот разговор до сих пор не состоялся, то лишь потому, что он не был готов к нему физически.

Понятно было, что после разговора с репортёром отказываться от полицейского допроса уже не следовало. В тот же день – 8 июля – Шэппард впервые был допрошен официально, что называется, «под протокол». Допрос имел место в больнице, куда он вернулся после посещения дома, и продлился три часа.

Допрос касался только событий ночи с 3 на 4 июля. Шэппард повторил свой рассказ о том, как уснул на кушетке в гостиной и был разбужен вскриком жены. Поднявшись наверх, он увидел человека в белой рубашке, находившегося в ногах кровати; Мэрилин была ещё жива и издавала «булькающие звуки». Шэппард не помнил удара, оглушившего его; он пришёл в себя в положении сидя на полу у кровати жены (в спальне находились две кровати, разделённые тумбочкой). Ему в глаза попадал лунный свет, отражавшийся в металлическом значке, укреплённом на портмоне; до этого портмоне находилось в кармане его брюк, теперь же – лежало на кровати. Он проверил пульс жены, понял, что она мертва, и отправился в спальню сына. Убедившись, что с ним всё в порядке, он отправился вниз, поскольку слышал шум, доносившийся с первого этажа. На фоне двери чёрного хода он увидел тёмную фигуру, бросившуюся наутёк по лестнице, спускавшейся к озеру. Шэппард последовал за неизвестным; тот остано-

вился возле воды, дожидаясь, пока преследователь спустится. Едва Шэппард сошёл с лестницы на песок, неизвестный напал, и он – Шэппард – снова потерял сознание. Придя в себя в воде, он поднялся в дом и накрыл тело жены одеялом – его смущал тот факт, что её нагое тело увидят посторонние. Шэппард позвонил мэру Хоуку потому, что не мог вспомнить никакого другого телефона – все номера просто выскочили из головы. Вообще все – отца, братьев, соседей...

Шэппарду официально сообщили, что он рассматривается в качестве главного подозреваемого в убийстве собственной жены. Он не смог ответить, почему его золотые часы оказались найдены за домом, и куда и как исчезла его футболка. По описанию Сэма Шэппарда художником был нарисован портрет мужчины якобы убившего его жену и напавшего на него самого.

Согласно сообщённым Шэппардом приметам, это был белый широкоплечий мужчина ростом 185-187 см в возрасте около 25 лет, имевший чёрные, торчавшие "ёжиком" волосы. Незнакомец был одет в белую рубашку и чёрные брюки.

Рисунок неизвестного мужчины, напавшего на Мэрилин и Сэма Шэппарда, подготовленный полицейским художником по описанию потерпевшего.

В ходе допроса 8 июля Сэму Шэппарду было сделано предложение пройти проверку на "детекторе лжи". Он от такой проверки отказался, заявив, что "знает, как это работает, и знает, что окажется виновен из-за своей сопричастности трагедии". (Перевод умышленно сделан немного некорректным, дабы фраза выглядела более литературно; дословно в протоколе записано: "because of his knowledge of it, and how it operated, that he would have a reaction because of his nearness to the tragedy").

Несомненно, отказ от проверки на полиграфе согласовывался Шэппардом с адвокатом; к оценке обоснованности некоторых советов Уильяма Корригана в дальнейшем нам ещё придётся вернуться.

До 10 июля 1954 г. Сэм Шэппард-старший оставался в больнице, но в этот день он был отпущен для продолжения лечения дома. Сэм направился в дом отца, где его уже поджидала толпа репортёров, как газетных, так и телевизионных. В те годы ещё не существовало записи телесигнала на магнитную ленту, поэтому телевизионные трансляции осуществлялись в прямом эфире. При появлении Сэма Шэппарда телепрограммы были прерваны для прямого включения камер, установленных перед домом его отца. Они-то и показали миллионам телезрителей некрасивую сцену, во время которой Ричард Шэппард, вышедший навстречу сыну, закричал на журналистов, чтобы те убирались. Делать этого, разумеется, не следовало ни в коем случае – в той обстановке Шэппардам следовало бороться за симпатию общественности, а таковая напрямую была связана с тем, как журналисты станут подавать информацию! Представители телевидения и прессы, разумеется, никуда от дома не ушли, и Ричард потребовал

от присутствовавших полицейских удалить их. Толпа немного потеснилась с газона, но этим дело и ограничилось. Публика, жаждавшая скандала, получила его: семья Шэппардов предстала в роли эдаких агрессивных, неадекватных самодуров, бросающихся безо всякого повода на нормальных людей.

В тот же день Сэмюэль Шэппард-старший был вторично официально допрошен кливлендскими детективами в присутствии начальника полиции Бэй-виллидж и коронера Гербера. На этот раз допрос оказался куда продолжительнее, чем двумя днями ранее, и намного более обстоятельным. Журналисты утверждали, что Шэппарда допрашивали без перерыва 9 часов, но на самом деле это не так: допрос начался в 11:40 и закончился в 16:15.

Содержание этого допроса в контексте последующих событий очень интересно, поэтому имеет смысл остановиться на нём подробнее.

Сэм Шэппард во время дачи показаний после выписки из больницы: шея в корсете (бандаже), тёмные очки скрывают синяки на лице и кровоизлияния в склеры глаз.

Во время допроса Сэмюэль признал, что примерно до 1949 г. Мэрилин очень ревновала его к другим женщинам (они бракосочетались в феврале 1945 г.), но в последующем их отношения полностью выправились и стали совершенно гармоничными. Согласно его утверждению, оснований для ревности Мэрилин не имела, поскольку он не искал интимных связей на стороне. Шэппард отверг предположение, будто при выяснении отношений с женой впадал в гнев. Он утверждал, что не имел интимных отношений со Сьюзен Хейс, лаборанткой из больницы «Бэйвью» («Bayview»), и более того, заявил, что Мэрилин была полностью в курсе всех его рабочих дел.

Вместе с тем Сэмюэль признал, что в марте 1954 г. во время симпозиума остеопатов в Калифорнии он купил Сьюзен Хейс золотые часы. Из его объяснения следовало, что это был не подарок, а лишь компенсация за потерянные ею во время официального обеда часики. По словам допрашиваемого, его жена ничего об этих часах не знала. Во время допроса Шэппарду были заданы вопросы, связанные с его отношениями с другой женщиной – с женой хозяина автосалона, в котором Сэмюэль приобрёл свой спортивный «ягуар» – некоей Джулией Лоссман. Сэмюэль признал товарищеские отношения с семьёй Лоссманов, рассказал о том, что лечил Джулию полтора года назад, но категорически отверг все подозрения на интимную связь с ней. Однако Сэму Шэппарду пришлось признать, что между их семьями (то есть Лосс-

манов и Шэппардов) летом 1953 г. произошло выяснение отношений, после чего дружба оказалась разрушена и товарищеских встреч они более не устраивали. Детективов интересовало, пытался ли Сэмюэль восстановить отношения с миссис Лоссман после этого разговора: Сэм заявил, что не делал этого, напротив, женщина сама разыскала его и привела к нему на лечение дочь.

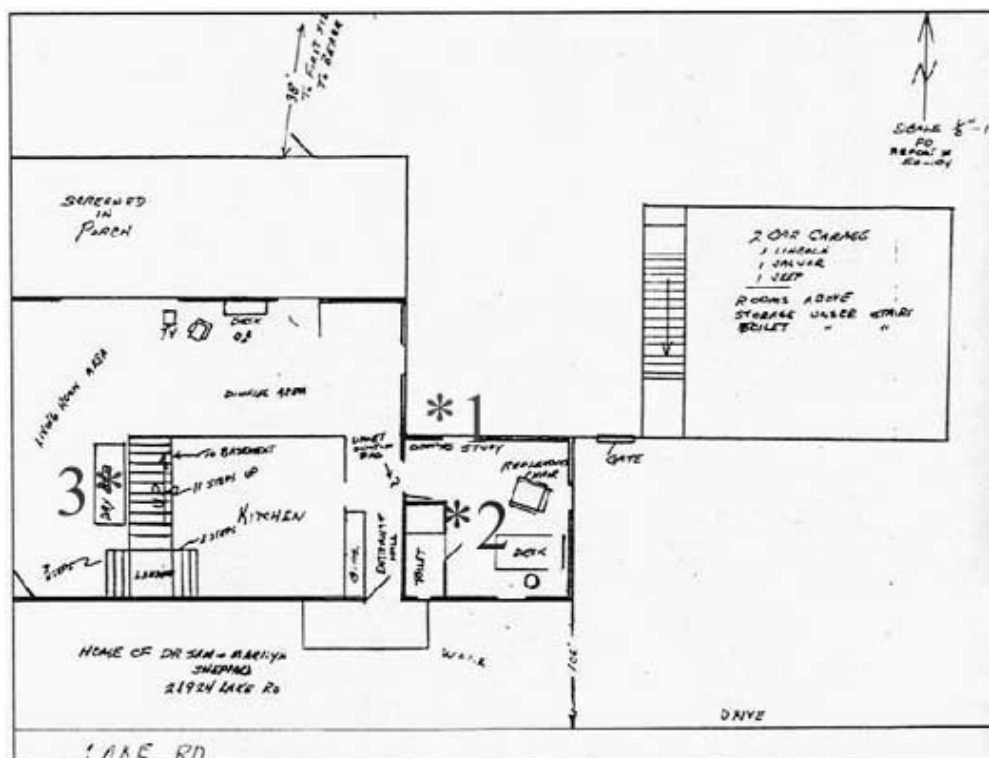
Полиция, допросившая к тому моменту уже почти 200 жителей Бэй-виллидж, знала достаточно много местных сплетен, поэтому Шэппарду был прямо задан вопрос: правда ли, что он несколько раз совокуплялся с миссис Лоссман (допрашивавший детектив выразился вульгарнее, употребив разговорное словцо «dating», соответствовавшее нашему «трахаться»)? Допрашиваемый категорически отверг подобные подозрения и добавил, что жена знала об этом слухе. Сэм Шэппард отказался признать свою причастность к гибели жены – непосредственную или косвенную – высказав предположение, что расправа над Мэрилин могла быть мстью отвергнутого ею любовника. Он утверждал, что ему известны по меньшей мере 3 таких человека; их имена и фамилии он сообщил ещё до этого допроса, поэтому в протоколе они не фигурировали.

Между тем, полиция уже располагала сведениями, позволявшими довольно скептически отнестись к некоторым деталям, сообщённым Шэппардом во время допроса. Нэнси Ахерн, подруга убитой Мэрилин, сообщила, что та вечером 3 июля 1954 (то есть за несколько часов до смерти) рассказала ей, будто подумывает о разводе с Сэмом. Мэрилин, согласно утверждению Нэнси, прекрасно знала о связи мужа со Сьюзи Хейс и о золотых часах, подаренных мужем последней.

Одного этого сообщения оказалось достаточно, чтобы детективы кливлендского "убойного отдела" поставили перед начальником полиции Бэй-виллидж вопрос о взятии Сэмюэля Шэппарда под стражу. Но Итон отказался это делать, рассчитывая потратить ещё некоторое время на розыск описанного Шэппардом-старшим убийцы. В течение последующей недели полиция безуспешно пыталась отыскать брюнета с короткими торчащими волосами, отвечающего приметам, сообщённым Сэмом Шэппардом, но успеха в этом деле не достигла. Удалось лишь найти двух свидетелей, которые утверждали, что после 22:00 3 июля видели высокого черноволосого мужчину в белой рубашке, наблюдавшего за домом Шэппардов.

Через две недели с момента гибели Мэрилин Шэппард кливлендские детективы сделали ещё одно удивительное открытие. Они выяснили, что дом, явившийся местом преступления, имел не два входа, а три! Помимо парадного входа со стороны Лэйк-роад и чёрного со стороны озера Эри, имелся ещё и люк, который вёл в подвал под домом. Может показаться невероятным, но никто из полицейских и сам коронер Гербер, осматривавшие здание 4 июля, его не увидели! Нет этого входа и на схеме здания, составленной полицией и приобщённой к следственным материалам! Что и говорить – этот ляп замечательно характеризует уровень профессионализма детективов, взявшихся за распутывание этого весьма неординарного дела.

Подвал под домом имел один выход на улицу, в сторону озера, а другой – внутрь дома, в большую гостевую комнату, отделённую коридором от гостиной первого этажа, в которой уснул Сэм Шэппард. Сделанный в полу люк был закрыт ковром, который полицейские при осмотре дома не догадались поднять. В подвал спуститься никто из них тоже не догадался, потому о существовании прохода через него они не знали до тех самых пор, пока об этом им не рассказал Стив Шэппард. 18 июля 1954 г. детективы "убойного отдела" прибыли для осмотра дверей подвала. Их ждало неприятное открытие – на деревянной коробке и самом люке были хорошо видны свежие следы, могущие принадлежать инструменту вроде долота или широкого ножа. Конструкция двери из подвала в комнату допускала её открытие снизу. Полицейские запротоколировали увиденное, но фотографии обнаруженных царапин делать не стали и о составленном документе благополучно позабыли на многие годы.

План дома Шэппардов, подготовленный полицией и фигурировавший на суде 1954 г. План составлен с учётом ориентации постройки относительно сторон света. Южнее дома, в самом низу – Лэйк-роад, наверху – озеро Эри, до него примерно 20 метров. Большая L-образная постройка в левой части рисунка – 2-этажный жилой дом, прямоугольная постройка справа – 2-этажный гараж. Знак «*» и цифры «1», «2», «3» нанесены автором очерка. Цифра «1» показывает вход в подвал с улицы; «2» – люк из подвала в полу гостиной комнаты; «3» – тахту, на которой уснул Сэм Шэппард. Окна спален на втором этаже, в которых находились Мэрилин Шэппард и Сэм-младший, выходили в сторону озера, то есть на север. Из этой схемы можно видеть, что человек, открывающий дверь в подвал, не мог быть замечен из окон дома, а также со стороны Лэйк-роад. Злоумышленник мог подняться на второй этаж, пройдя через кухню; в этом случае он вполне мог не заметить спавшего на тахте в гостиной Сэма. Такой маршрут хорошо объясняет то обстоятельство, почему убийца не напал сначала на мужа: он его просто не увидел в тёмном доме. Появление в «деле Шэппарда» прохода через подвал до такой степени не понравилось следователям, что они сделали всё возможное, чтобы скрыть это открытие. Поэтому даже спустя три месяца с момента осмотра подвала во время подготовки обвинительного заключения работники прокуратуры не стали уточнять план дома, представив суду фактически фальсифицированный документ.

Между тем, время поджимало и результаты предварительного расследования требовалось как можно скорее рассмотреть коронерскому жюри. По американской практике такие заседания, призванные зафиксировать объективность совершения преступления, его состав, подсудность и порядок ведения дальнейшего расследования, обычно проводятся в течение первых 24 часов с момента открытия факта правонарушения или преступления; иногда, в особо запутанных случаях, допускается задержка, но она обычно не превышает одного-двух дней. В данном же случае минули уже две недели, а глава полиции Бэй-виллидж всё ещё не желал представлять коронеру результаты дознания.

Чтобы подстегнуть Итона, коронер Гербер заявил, что если к концу третьей недели с момента гибели Мэрилин Шэппард (то есть к 24 июля 1954 г.) полиция Бэй-виллидж не отчитается о проделанной работе, то он откажет в возбуждении уголовного дела. Ситуация,

конечно же, складывалась скандальной: налицо было зверское убийство молодой женщины, а коронер грозил отказать в возбуждении дела! Пресса и телевидение штата Огайо с большим вниманием следили за происходившим в Кливленде, и правоохранные органы своими действиями давали им массу информации для комментариев. Практически в каждом июльском и августовском номере местных газет можно было видеть большие статьи, посвящённые «делу Шэппарда». Тон комментариев в отношении Сэма Шэппарда всё время оставался сдержанно-недружественным: репортёры склонялись к мнению, что влиятельная семья Шэппардов парализовала деятельность местной полиции.

Следствие у коронера началось 22 июля 1954 г. Материалы дознания представляли прокурор округа Кайохога Каллиган и его помощник Мэхон; Сэм Шэппард присутствовал на заседаниях коронерского жюри в сопровождении адвоката Корригана (напомним, что Шэппард формально не являлся обвиняемым, а выступал одновременно и свидетелем, и потерпевшим). В отношении Сэмюэля-старшего следствие коронерского жюри с самого своего стало приобретать резко обвинительный уклон.

Сэм Шэппард плечом к плечу с адвокатом проходит в здание суда для участия в работе коронерского жюри (кадр записи, сделанной любительской кинокамерой 22 июля 1954 года).

В этом отношении сам по себе показателен порядок заслушивания свидетелей. Надо сказать, что обычно коронер начинает с заслушивания полицейских, прибывших по вызову, а затем знакомится с протоколом осмотра места преступления, после чего переходит к допросу свидетеля, первым обнаружившим факт преступления. Только после этого судья приглашает для дачи показаний тех свидетелей, кто способен прояснить существенные для понимания дела аспекты произошедшего. Другими словами, судья идёт по следующей логической цепочке: что именно произошло? когда и где? имеются ли непосредственные свидетели случившегося?

То есть Гербер должен был начать с заслушивания полицейского Дренкхана и после этого пригласить для допроса Сэмюэля Шэппарда.

На деле всё вышло совсем не так. Следствие почему-то началось с допросов супругов Ахерн и Хоук. Нэнси Ахерн, разумеется, сразу рассказала о том, что погибшая Мэрилин Шэппард была в курсе того, что муж ей изменяет и даже купил золотые часики любовнице. Это,

конечно, был прямо-таки кафкианский нонсенс, ведь, формально рассуждая, ещё никто не рассказал коронеру о том, кто именно является жертвой и каковы обстоятельства её – жертвы – смерти! Супруги Хоук в один голос заявили, что были крайне удивлены телефонным звонком Сэма Шэппарда, сообщившего об убийстве: мол-де, они никогда не были особенно дружны, и непонятно, для чего Сэмюэль им позвонил. Примечательно, что помощник прокурора Мэхон с упоением зацепился за эту мысль и несколько раз возвращался к ней, дескать, для чего же понадобился этот странный звонок на восходе солнца?

Все эти рассуждения свидетелей, занявшие более часа, имели место ещё до того, как члены жюри формально были поставлены в известность о сути произошедшего в доме Шэппардов... Это было, конечно же, грубейшим нарушением принятых традиций и правил проведения подобных заседаний.

Гербер, впрочем, этих и им подобных ляпов не заметил, потому, думается, что имел в голове определённую схему действий и неуклонно ей следовал. Пятым свидетелем оказался полицейский Дренкхан, который по смыслу коронерского следствия должен был быть как раз таки первым. Именно Фред Дренкхан и рассказал, наконец, об обстановке в спальне Мэрилин Шэппард. Гербер разделался с полицейским очень быстро, допросив его в высшей степени формально. Оно и понятно: коронер сам побывал в доме Шэппардов и обо всём имел собственные суждения; между тем педантичный и внимательный допрос полицейского, подготовившего протокол осмотра места преступления и сделавшего фотоснимки спальни Шэппардов, оказался бы способен вскрыть массу любопытнейших деталей, выставляющих работу полиции в весьма неприглядном свете. Об этом у нас ещё будет обстоятельный разговор впереди; сейчас же важно отметить, что **уже во время следствия у коронера можно было зафиксировать полицейские недочёты и избежать в будущем больших ошибок**. Этого, однако, не случилось.

Наконец, после Фреда Дренкхана свидетельское место занял Сэм Шэппард-старший. Он заявил, что любил свою жену и никогда вопрос о разводе между ними «всерьёз не обсуждался». Сэмюэль категорически отверг все подозрения на возможную интимную связь со Сьюзен Хейс, хотя и признал, что встречался с нею во время симпозиума остеопатов в Лос-Анджелесе в марте 1954 г. Коронер осведомился у свидетеля, не спал ли он тогда в одной кровати со Сьюзен Хейс на протяжении четырёх ночей (у полиции имелись сведения, что именно так оно и было), на что Сэм Шэппард твёрдо ответил: «Нет!»

Этим допросом закончился первый день следствия у коронера. Произошедшее в дальнейшем в точности неизвестно, но с уверенностью можно предположить, что Шэппард и его адвокат Корриган узнали о том, какими будут показания Сьюзен Хейс на следующий день – разоблачительными! Сьюзен имела намерение полностью раскрыть в суде историю своих интимных отношений с Сэмом, которую тот наивно и неуклюже попытался скрыть. И поэтому, стремясь упредить крайне негативное для своего подзащитного развитие событий, Уильям Корриган на утреннем заседании 23 июля 1954 г. попытался внести в стенограмму вчерашнего заседания изменения. Формально они касались объяснений Сэма Шэппарда, связанных с его поездкой в Лос-Анджелес; адвокат попытался доказать, будто свидетель не понял двусмысленность задаваемых вопросов и ответил в "узком их понимании".

Разъярённый коронер запретил править стенограмму и выгнал Уильяма Корригана из зала заседаний. Допущенные на заседание жюри свистели и аплодировали этому решению, кто-то кричал в спину адвокату: «Преступник!» Что и говорить, зрелище, конечно, получилось необычным!

Так Сэм Шэппард остался без адвоката.

Весь день 23 июля 1954 г. коронер Гербер посвятил допросам судебного медика и детективов, проводивших осмотр места преступления и территории вокруг дома. Думается, он специально тянул время, издеваясь над Шэппардом.

Сьюзен Хейс заняла свидетельское место лишь на следующий день – 24 июля.

Сьюзен Хейс. Стремясь скрыть интимные отношения с этой женщиной, Сэм Шэппард решился на ложь под присягой. Последствия этого шага оказались для него самыми что ни на есть печальными.

Она легко признала наличие сексуальных отношений с Сэмом Шэппардом, которые, согласно её уверению, тянулись с декабря 1952 г. (то есть более полутора лет). По словам Сьюзен, Сэм твердил, что намерен жениться на ней и для этого обязательно разведётся с женою. В марте 1954 г. в компании с Сэмюэлем она побывала на симпозиуме остеопатов в Лос-Анджелесе; они жили в доме доктора Миллера, друга Сэма, в Голливуде. Обстановка вокруг была в высшей степени романтической, четыре дня они провели как муж и жена, вместе разъезжая по магазинам, посещая рестораны и отправляясь спать в общую спальню...

Сэм Шэппард был раздавлен.

Утром 25 июля 1954 г. коронер Сэм Гербер вынес вердикт о признании факта умышленного убийства Мэрилин Шэппард. Следствие по этому делу поручалось прокуратуре округа Кайхога.

Шэппард уехал в дом родителей, где находился безвылазно все последующие дни. Сьюзен Хейс в это время пожинала плоды свалившейся на неё национальной известности. Репортёры, дабы взять у неё интервью, стояли в очередь; 15-минутная беседа со вчерашней лаборанткой стоила "от 500 \$" – её полугодовое жалование.

Несмотря на кажущийся провал Сэма Шэппарда, реалистично мыслящие юристы и журналисты понимали, что всё произошедшее на следствии у коронера есть вовсе не признак виновности мужа в убийстве жены, а лишь следствие в высшей степени неудачной защиты. В газетных публикациях, пытавшихся объективно анализировать ход расследования, отмечалась опрометчивость выбранной Корриганом линии поведения его подзащитного. Сэм Шэппард отказался от проверки на полиграфе; между тем эта проверка ему решительно ничем не грозила. По законам штата Огайо результаты допроса с использованием "детектора лжи" не могут служить доказательством в суде, на них нельзя официально ссылаться и, вообще, упоминать о самом факте применения подобной процедуры. Даже если бы полиграф "полностью разоблачил" Сэмюэля, на следствии у коронера прокуратура не смогла бы обмолвиться об этом ни единым словом.

Далее: Шэппард мог воспользоваться своим конституционным правом отказа от дачи показаний; в этом случае его не смогла бы разоблачить Сьюзен Хейс. Расчёт на то, что она

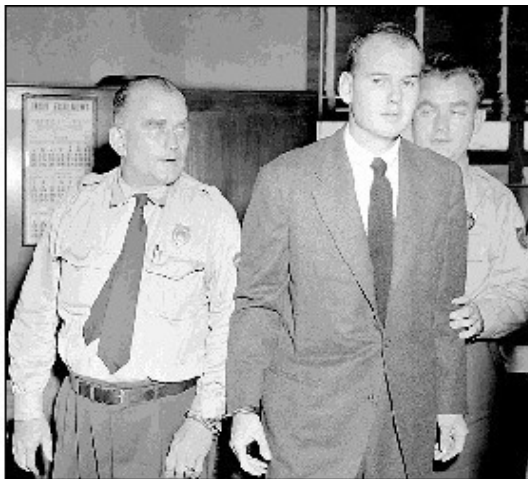
будет молчать под присягой, был, конечно же, крайне наивен. Видимо, Сьюзен когда-то клялась любовнику в том, что всегда покроет тайну женатого мужчины; Сэмюэль показал себя слишком простодушным человеком, если всерьёз отнёсся к такого рода обещанию. Адвокат должен был запретить давать ему показания, между тем Корриган поступил прямо наоборот: он посоветовал отказаться от проверки на "полиграфе", но при этом разрешил давать показания под присягой.

Шэппард соврал и сделал это на глазах десятков людей, а репортёры растиражировали рассказ об этом на всю страну. Репутация вдовца, которого ещё недавно все жалели, оказалась уничтожена на корню. Всем было ясно, что арест Сэма Шэппарда – это дело ближайших дней.

Между тем прокуратура не спешила заключать Сэмюэля под стражу. Ему, видимо, умышленно дали "повариться в собственном соку" несколько дней. Ожидание ареста очень психологически давит на человека, и приём этот довольно часто используется правоохранительными органами.

Полиция явилась в дом Ричарда Шэппарда с ордером на арест Сэма поздним вечером 30 июля 1954 г. Время было выбрано с иезуитским коварством – дело в том, что в США запрещены ночные допросы, и было ясно, что после привода в тюрьму Сэм просто-напросто ляжет спать в камере. Казалось бы, зачем арестовывать его сейчас, арестуйте завтра утром! Но нет, расчёт следователей строился на том, что бессонная ночь в тюремной камере (а у всех, кто впервые попадает в тюрьму, первая ночь бессонная) лишит арестованного сил, и на следующее утро он окажется готов к "сотрудничеству со следствием".

В 22:30 30 июля полицейский конвой вывел Сэма Шэппарда из дома родителей. И перед домом, и по прибытии в тюрьму их фотографировали журналисты – они оказались кем-то заботливо предупреждены об ожидавшемся "неожиданном" аресте. О нём ничего не знали лишь сам Шэппард, его родные и адвокат.

Сэм Шэппард, доставленный под полицейским конвоем в тюрьму.

На следующий день последовал первый продолжительный допрос – он длился 9 часов. 1 и 2 августа 1954 г. допрос продолжился; на этот раз его суммарная продолжительность составила 13 часов. Эмоциональный накал допросов был чрезвычайно велик, Сэма Шэппарда допрашивали, сменяя друг друга, четыре пары детективов. Арестованный ни на йоту не отошёл от изложенной прежде версии событий и не признал своей виновности.

Адвокат Корриган, находившийся в отъезде, появился в кливлендской тюрьме в 0:45 1 августа. Он потребовал допуска к подзащитному, в чём ему отказали со ссылкой на правила тюремного распорядка, запрещающие встречи арестантов с посетителями после 19:00. Однако Корриган в своём требовании опирался на существовавшую правовую норму, позволявшую

адвокату проводить встречу со своим подзащитным в первый раз после ареста в любое время. (Смысл этого правила заключался в том, что защитник должен был проинструктировать подзащитного относительно его прав в отношении тюремной администрации и правил поведения после ареста, а также убедиться в его адекватности и состоянии здоровья. Если арестант был травмирован при задержании, адвокат тут же должен был связаться с представителем тюремной администрации и заявить ходатайство об обследовании подзащитного независимым врачом). Несмотря на обоснованность требования адвоката, Корригану во встрече с Сэмом Шэппардом отказали.

Упорное нежелание арестованного признать свою вину вызвало крайнее раздражение следователей. Именно этим раздражением можно объяснить тот фокус, на который они решились 3 августа.

В этот день полицейские задержали Спенсера Хоука, мэра Бэй-виллидж, и доставили его в кливлендскую тюрьму. Прокурор округа начал его допрос, трагическим голосом объявив о том, что Сэм Шэппард "разоблачил вас, мистер Хоук". Прокурор сделал вид, будто у него на руках имеются показания Шэппарда, из которых явствует, будто именно он – Спенсер Хоук – убил Мэрилин Шэппард.

В том, что утверждал прокурор Фрэнк Каллиган, не было ни слова правды – Сэм никогда не говорил ничего подобного. Но Спенсер-то этого не знал! А весь антураж – тюремные стены, конвой, серьёзное лицо прокурора напротив – убеждали его в серьёзности происшедшего.

С мэром приключилась истерика. На протяжении четырёх часов он пытался вспомнить хоть что-нибудь порочившее Сэма Шэппарда и обелявшее его самого (надо сказать, ничего интересного для прокурора он так и не вспомнил!). В конце концов, Хоук немного взял себя в руки и потребовал очной ставки с арестантом.

Когда Шэппарда ввели в камеру, Хоук набросился на него с кулаками и воплями: «Негодяй! Подлец! Лгун!» Мэра едва оттащил конвой и присутствовавшие полицейские. Сэм Шэппард ни сном ни духом не знавший о подготовленной инсценировке, был поражён этим нападением. Разумеется, на очной ставке всё моментально выяснилось, и Спенсера Хоука немедленно выпустили из тюрьмы.

Этот эпизод очень выпукло демонстрирует методы работы американской прокуратуры образца 50-х годов прошлого века и степень уважения её представителями гражданских прав и свобод населения. Честное слово, голословные упрёки, которые раздаются в адрес сталинских правоохранительных органов в том, что они допускали «беззастенчивые манипуляции фактами и незаконные методы ведения следствия», заметно тускнеют на фоне таких вот невыдуманных историй. Самое забавное, что прокуратура округа Кайохога, устроившая с мэром Бэй-виллидж постыдный спектакль, и не подумала приносить извинения; ну подумаешь, нацепили на «народного избранника» наручники, ну продержали его в тюрьме четыре часа, ну оклеветали, поугадили немного, потрепали нервы, так что с того? Не застрелили же ведь, правда?! Пальцем даже не тронули, домой привезли на машине...

В августе 1954 г. адвокат Уильям Корриган попытался привлечь к делу в качестве независимого эксперта-криминалиста Энтони Казлаускаса, долгое время отработавшего судебным медиком. По американским законам защита имеет право приглашать специалистов, не связанных с правоохранительными органами. Цель таковых частных экспертов – независимая оценка представляемых обвинением улик и вещественных доказательств, причём следственные и судебные власти не вправе препятствовать им в допуске к материалам следствия в полном объёме для ознакомления.

Однако и тут прокуратура пошла на явное нарушение буквы и духа закона. Корригану заявили, что его эксперт не будет допущен в дом Шэппардов ни под каким видом. А Казлаускасу конфиденциально сообщили, что если он подключится к "делу Сэма Шэппарда", то на его

карьере "независимого эксперта" будет поставлен крест. Тот не стал искушать судьбу и отказался от сотрудничества с Корриганом.

Тогда адвокат обратился в окружной суд с ходатайством об освобождении арестованного под залог. Судья имел право остановить действие ордера на арест и изменить меру пресечения, оставив обвиняемого на свободе до рассмотрения дела в суде. Ходатайство Корригана рассматривалось 16—17 августа 1954 г. В помещении суда поставили 20 кресел для журналистов, поскольку внимание средств массовой информации к «делу Сэма Шэппарда» не только не уменьшалось, но напротив, день ото дня росло.

В середине августа 1954 года журналисты узнали, что молчавшая до того Джулия Лоссман из городка Роки-ривер, расположенного в 10 км западнее Кливленда, рассказала полиции о своём знакомстве с Сэмом Шеппардом. По её словам, тот лечил её после автомобильной аварии. При этом он якобы соблазнял Джулию, обнимал, целовал и всячески покушался на её честь замужней женщины. Сложно сказать, что в действительности произошло между Шеппардом и Лоссман, но вне всякого сомнения утечка информации не была случайной. Руководство полиции организовало её с таким расчётом, чтобы повлиять на рассмотрение в суде ходатайства об освобождении Сэма Шеппарда под залог.

Сначала адвокату удалось добиться желаемого результата. Он заявил, что его подзащитный сам является потерпевшим в деле, виновность в котором ему инкриминируют; справедливо указал на то, что против арестованного нет ни одной прямой улики; он не признал выдвигаемых против него обвинений и, наконец, его здоровье до сих пор не восстановлено в полном объёме после перенесённых травм. Обвинение со своей стороны представило нескольких свидетелей, заявивших, что Шэппард лжив и двуличен, мэр Бэй-виллидж Спенсер Хоук, в част-

ности, назвал его "Джекилом и Хайдом". Тем не менее речь Корригана убедила судью санкционировать освобождение Шэппарда под залог в 50 тыс. \$, который тут же был представлен.

Ночь с 16 на 17 августа 1954 г. Сэмюэль Шэппард провёл в доме родителей. Это была его последняя ночь на свободе на много-много лет вперёд.

На следующий день прокурор округа заявил в суде, что Сэм Шэппард обвиняется в предумышленном двойном убийстве (ведь жена его была беременна!), осуществлённом с особой жестокостью, а потому прокуратура будет настаивать на квалификации совершённого им преступления как «убийство первой степени». Ввиду материального достатка Сэма Шэппарда, а также наличия у него состоятельных родственников и друзей обвинение считало его способным покинуть пределы штата и, дабы не допустить этого, потребовало вернуть обвиняемого в тюрьму. Судья, не моргнув глазом, отменил собственное вчерашнее постановление об освобождении под залог, и Сэм Шэппард был взят под стражу в зале суда.

Журналисты, жаждавшие сенсации, её получили. Шоу состоялось, всем, кто следил за «делом Сэма Шэппарда», было что обсудить.

Далее в расследовании возник двухмесячный перерыв. Вплоть до середины октября 1954 г. в рамках расследования на первый взгляд не происходило ничего существенного. Прокуратура готовила обвинительный акт. Вкратце его тезисы можно суммировать следующим образом.

– **Мотив.** Сэмюэль Шэппард не имел намерения продолжать совместную жизнь со своей женой и уже с начала 1954 г. планировал развод. Он регулярно изменял нелюбимой жене, причём помимо случайных связей, в его жизни на протяжении последних полутора лет присутствовала и устойчивая привязанность к Сьюзен Хейс, которую он обещал взять в жёны. Вторая беременность Мэрилин Шэппард, с одной стороны, резко осложнила формальное получение её согласия на развод, а с другой – грозила значительно увеличить величину алиментов, которые она могла получить после его оформления. Кроме того, Сэмюэлю грозил раздел имущества, при котором мужчина-инициатор развода получал гораздо меньше брошенной им жены с двумя детьми. В начале июля 1954 г. Сэм Шэппард посчитал, что убийство жены, обставленное как попытка ограбления, даст ему возможность стать свободным мужчиной и избавит от неизбежной при разводе материальной ответственности перед Мэрилин.

– **Способ осуществления.** После того, как Мэрилин Шэппард проводила гостей – Нэнси и Дональда Ахерн – между супругами возникла ссора. Они отнюдь не легли спать, и поэтому в доме долго горел свет, который видела Дорис Бендер с противоположной стороны Лэйк-роад. Что послужило конкретной причиной скандала, сказать в точности уже не представлялось возможным, но в какой-то момент времени, видимо, в 3:15 ночи, когда остановились часы Мэрилин, супруг напал на неё, нанося удары каким-то медицинским инструментом. Чтобы извлечь его из саквояжа, он с лихорадочной поспешностью высыпал его содержимое на пол. После убийства супруги Сэмюэль положил орудие преступления на подушку, в результате чего на ней образовался симметричный след. В ходе борьбы с жертвой убийца сам получил серьёзные ранения. Стремясь придать преступлению видимость сексуального, убийца осуществил с телом некоторые посмертные манипуляции: расстегнул верхние пуговицы пижамы Мэрилин и обнажил её грудь, подтянул за ноги тело к краю кровати и спустил на пол ноги (на простыне остались кровавые следы, указывавшие на волочение тела).

– **Последующие действия и манипуляции.** С момента убийства и почти до 6 часов утра (то есть примерно 2,5 часа) Сэм Шэппард был занят тем, что создавал такую обстановку на месте преступления, которая, по его мнению, должна была соответствовать действиям грабителя: открыл двери в доме, перевернул содержимое стола в гостиной первого этажа, снял со своей руки золотые часы и кольцо, которые сложил в мешок и выбросил за домом и прочее. Он тщательно вымылся, уничтожая следы крови, которых на его теле было множество. Шэппард уничтожил белую футболку, которая вся была в крови убитой им жены, а также орудие

убийства (где и каким образом это было сделано, обвинительное заключение не объясняло, что и понятно – никакими данными на сей счёт следствие не располагало). Лишь после этого он позвонил супругам Хоук и вызвал их в дом.

Доводы в пользу виновности Сэмюэля Шэппарда тезисно можно было сформулировать так:

- посторонний человек не мог проникнуть в запертый дом без взлома замков (чего не наблюдалось);

- появление в доме постороннего лица вызвало бы беспокойство собаки (сам Шэппард-старший признавал, что собака не лаяла, кроме того, её лай разбудил бы 7-летнего сына);

- рассказ о крике жены, который услышал Сэм Шэппард, находясь на первом этаже, выглядел крайне неубедительно, поскольку сын, находившийся куда ближе к спальне, этого крика не слышал и продолжал спокойно спать;

- Сэм Шэппард-старший признал, что не может объяснить, когда и как исчезла его футболка (очевидно, что постороннему преступнику не было никакого смысла снимать её и уносить с собой). Между тем окровавленная футболка грозила выдать с головой его причастность к убийству жены;

- действия убийцы-грабителя, если таковой действительно существовал, представлялись крайне нелогичными, ведь фактически из дома Шэппардов не пропало ничего ценного. Даже снятые с руки Сэмюэля часы и кольцо грабитель почему-то выбросил за домом. Как такового ограбления не было, имела место лишь его имитация, а значит, ограбление не могло служить мотивом преступления. Жертва не была изнасилована, что указывало на то, что и сексуальный мотив в этом деле отсутствовал. Наиболее достоверным мотивом представлялась ненависть к жертве, глубокая личная неприязнь, усиленная аффектом, то есть мгновенной бесконтрольной вспышкой ярости;

- в спальне были обнаружены отпечатки пальцев только Мэрилин и Сэмюэля Шэппардов. Убийца, если только им являлся посторонний мужчина, должен был оставить свои отпечатки пальцев на деревянных деталях кровати Мэрилин, так как он явно опирался на кровать при манипуляциях с телом жертвы;

- Шэппард не смог объяснить, по какой причине вызвал в свой дом супругов Хоук, а не полицию. Его объяснения, данные во время допросов после ареста ("я надеялся, что, быть может, они что-то сделают для Мэрилин"), звучали неубедительно, поскольку к этому времени он уже точно знал, что его жена мертва (он дважды ошупывал её горло и запястье, проверяя пульс);

- если Сэмюэль Шэппард действительно дважды щупал пульс на шее и запястье Мэрилин, то на его пальцах должны были остаться мазки крови (между тем, этого не наблюдалось, а значит, он успел смыть кровь до появления в доме супругов Хоук);

- у преступника, если только им был посторонний человек, не было нужды уносить с собою орудие преступления, между тем, в данном деле оно отсутствовало. Причина, видимо, крылась в том, что орудие явно указывало на убийцу. Чтобы замаскировать использование медицинского инструмента из своего саквояжа, которым мог воспользоваться прежде всего сам хозяин, Шэппард выбросил лампу-ночник, стоявшую на тумбочке Мэрилин;

- похищение денег из портмоне Сэма Шэппарда и медицинских препаратов из его докторского саквояжа представлялись следователям лишь имитацией действий грабителя-наркомана. Настоящий грабитель, совершивший спонтанное убийство хозяина вещей, скорее всего, не стал бы рассматривать свои "трофеи" на месте преступления, а забрал бы их с собой, дабы спокойно исследовать их содержимое в другой, более безопасной для него обстановке. В этом случае портмоне и саквояж должны были исчезнуть;

– Сэмюэль Шэппард так и не смог объяснить, почему между моментом смерти его жены в 03:15 и телефонным звонком супругам Хоук в 05:45 оказался столь значительный интервал времени.

A-6 **THE EVENING STAR, Washington, D. C.
TUESDAY, OCTOBER 19, 1954

Lawyer Hints Sheppard Trial May Refer to 'Other Women'

By the Associated Press

CLEVELAND, Oct. 19.—Hints that testimony would include extra-marital affairs of the defendant enlivened the second day of the first-degree murder trial of Dr. Samuel H. Sheppard today.

Also injected into the trial, as selection of a jury progressed, were references—not fully explained—to mysterious crank letters received by some members of the jury panel.

Dr. Sheppard, 30-year-old osteopath, is on trial charged with beating to death last July 4 his 31-year-old wife, Marilyn, mother of one child and expecting another.

Defense Moves Fail.

One juror was seated yesterday after Dr. Sheppard's chief counsel, William J. Corrigan, had failed in two moves to delay the trial. Judge Edward Blythin of Common Pleas Court first denied a motion for a continuance, and then held in abeyance a second motion to move the hearing out of Cleveland and Cuyahoga County because of Mr. Corrigan's claim that public opinion was inflamed against the defendant.

Mr. Corrigan lost another round in the change of venue motion at the opening of today's court session. He contended the

The defense has announced that Dr. Sheppard will take the stand in his own defense. However, in the questioning of Mrs. Borke, Mr. Garmone left the way open for a change in that decision.

He began questioning Mrs. Borke at one point, but Judge Blythin interrupted, and by way of clarification, asked the following question in behalf of the defense lawyer:

"If the State fails to prove him (Dr. Sheppard) guilty beyond a reasonable doubt, would you require evidence from him to hold him innocent?"

"No," answered Mrs. Borke.

Received Crank Letters.

References to the mysterious crank letters were put into the record by Judge Blythin, who asked Mrs. Borke whether she had received a copy of a crank letter mailed to several members of the jury panel. Mrs. Borke said she had.

Judge Blythin emphasized that the court believed the Sheppard family had nothing to do with the several crank letters.

Dr. Sheppard, after a glance to the rear of the courtroom, where his relatives were seated, watched with interest the examination of Mrs. Borke.

Ma announced aloud and at

—AP Wirephoto.

DR. SHEPPARD GOES TO TRIAL—Cleveland.—Dr. Samuel H. Sheppard (right) is led into the courtroom of Judge Edward Blythin handcuffed to an officer as he goes to trial on a first-degree murder charge. Dr. Sheppard is charged with beating

Одна из многочисленных газетных статей, посвященных изложению и анализу обстоятельств «дела Сэма Шеппарда». Данная публикация относится к середине октября 1954 года. В ожидании судебного процесса газетчики искусно поддерживали всеобщий интерес к преступлению и не позволяли снизиться накалу ажиотажа.

Нельзя не признать, что хотя вышеизложенные доводы выглядели весьма разумными и логичными, всё же базировались они на косвенных уликах и весьма односторонней трактовке событий. Уже осенью 1954 г. стали известны некоторые факты, позволявшие оспорить умозаключения следователей из окружной прокуратуры, но вся эта информация была ими весьма цинично проигнорирована.

Назовём некоторые из подобных фактов.

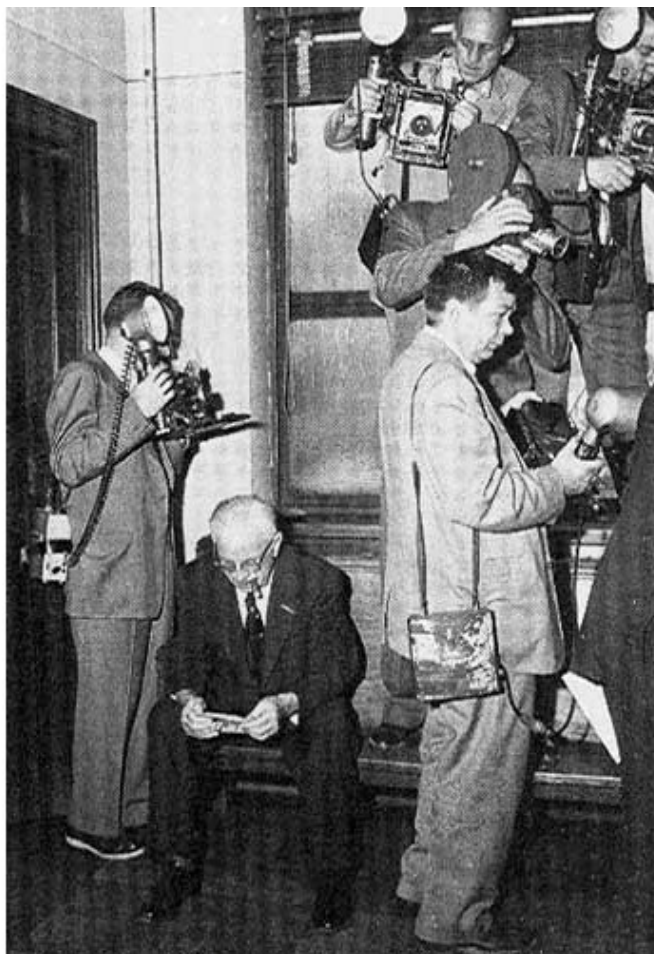
– **Обнаружение футболки.** Разорванная белая футболка, соответствующая тому размеру, который носил Сэм Шэппард, в июле 1954 г. была обнаружена под кустами на берегу озера Эри. Футболка лежала буквально в 5 метрах от границы участка, которым владели Шэппарды, в направлении общественного парка Хантингтон. Если стать лицом к озеру Эри, то по правую руку от участка Шэппардов располагался общественный парк, а по левую находились частные владения, в том числе семей Хоук и Ахерн. Очевидно, что преступнику, если таковой действительно существовал, имело смысл бежать как раз в сторону парка, а не частных владений, где он мог нарваться на хозяев или сторожевых собак. Обнаруженная белая футболка, не имевшая, кстати, следов крови, была осмотрена полицейскими, но интереса у них не вызвала, для опознания она никому не предъявлялась и к делу приобщена не была.

– **Исследование часов.** Поскольку в «деле Сэма Шеппарда» фигурировали двое часов, остановившиеся в разное время, криминалистам важно было объяснить, почему это произошло. В случае с часиками Мэрилин Шэппард ответ оказался прост: механизм вышел из строя

в результате сильного удара по корпусу. Это мог быть либо удар, нанесённый по часам, когда женщина закрывала лицо левой рукой, либо сотрясение при падении часов со стола на пол гостиной. В любом случае время, которое показывали женские часики – 3:15 – являлось моментом нештатного силового воздействия на них, связанного с действиями преступника. С часами Сэма Шэппарда всё оказалось куда сложнее: выяснилось, что их механизм был совершенно исправен, но он остановился из-за попадания внутрь корпуса воды. Исследование показало, что залитые водой часы могли идти ещё 45 минут. Поскольку часы Сэмюэля показывали 5:00, получалось, что вода попала в корпус в 4:15, то есть спустя час после остановки часов Мэрилин. Произойти это могло только вне дома, во время борьбы Шэппарда с преступником на берегу озера. Таким образом получалось, что преступник после нападения на Мэрилин пробыл в доме Шэппардов ещё довольно долго (около часа); тем самым преступление оказывалось весьма растянутым во времени. Если Сэмюэль около часа пролежал без сознания в спальне, а затем ещё примерно столько же на берегу озера, то факт задержки его телефонного звонка с вызовом помощи получал вполне убедительное объяснение. Надо ли говорить, что в обвинительном заключении данное умозаключение обходилось полным молчанием?

– **Обнаружение двери в подвал.** Об этом уже было написано выше. Тот факт, что в доме Шэппардов по истечении двух недель с момента совершения убийства вдруг обнаружился третий вход, чрезвычайно раздосадовал полицейские власти. Разговоров о возможности попасть в дом через подвал они всячески избегали; на плане дома, который был представлен в суде в ноябре 1954 г., люк в подвал не был изображён; на этом плане не было и двери из подвала на улицу. Полиция, а затем и прокуратура постарались сделать вид, будто подвала под домом вообще не существовало. Как станет ясно из дальнейшего, перед началом судебных заседаний по «делу Шэппарда» для членов жюри присяжных будет устроена экскурсия на место преступления; присяжным покажут дом, гостиную на первом этаже, залитую кровью спальню, но никто из сопровождающих полицейских и словом не обмолвится о существовании люка в полу гостевой комнаты.

Судебный процесс «народ штата Огайо против Сэмюэля Шэппарда» фактически начался с отбора кандидатов в жюри присяжных заседателей 18 октября 1954 г. Процедура эта растянулась на 10 дней; 12 присяжных и 3-х запасных требовалось отобрать из 64 кандидатов. К Кливленду, где должен был открыться процесс, оказалось приковано внимание всех США. В самом большом зале в здании суда был поставлен дополнительный ряд сидений специально для представителей средств массовой информации. На суде в числе репортёров были аккредитованы известная на всю страну телеведущая Дороти Килгален и криминальный журналист Уолтер Винчелли (последний, прославившийся совершенно скандальными репортажами, знаком читателям «Загадочных преступлений прошлого» по очерку «Убийцы одиноких сердец» – это именно он написал о Марте Бек-Сибрук совершенно скандальную фразу: «Я вижу на месте подсудимой не женщину, а двести фунтов взбесившегося сала»). На первом этаже здания суда были оборудованы телефонные кабины для журналистов, дабы те успевали передавать в редакции репортажи во время перерывов между заседаниями.

По-настоящему интересный снимок: руководитель группы адвокатов Уильям Корриган-старший перед началом судебного заседания присел на скамью в коридоре здания суда. Мигом набежавшие репортёры поспешили его сфотографировать, кто-то ради этого даже влез на подоконник. Снимок этот хорошо передаёт тот ажиотаж вокруг процесса, что нарастал в обществе по мере приближения даты открытия суда.

28 октября выборы присяжных закончились, но никто из них не был изолирован, как того требовал закон. Более того, на протяжении последующих трёх дней местные газеты на своих страницах помещали их фотографии и брали интервью у членов семей. Номинально эти интервью были бесплатны, да только кто разберёт, как там это было на самом деле? Понятно, что в такой нездоровой обстановке очень трудно было всерьёз говорить о неангажированности и беспристрастности присяжных заседателей.

3 ноября 1954 г., перед формальным открытием первого заседания присяжные заседатели в сопровождении кливлендских полицейских посетили дом Сэма Шэппарда. Обвиняемый, закованный в ручные и ножные кандалы, под охраной вооружённого конвоя, также участвовал в этой поездке.

Жюри присяжных явилось в дом Шэппардов, чтобы осмотреть место преступления. В конце этой колонны, с руками, прикованными к поясу, и скованными ногами, под охраной четырёх полицейских находился и Сэм Шэппард. Злая ирония судьбы – оказаться в собственном доме в качестве узника!

На следующий день началось первое заседание. Сторону обвинения представляли помощник окружного прокурора Джон Мэхон и юристы прокуратуры – Сол Данако и Том Паррино. Группу защитников возглавлял Уильям Корриган-старший; кроме него в эту группу входили его сын Уильям Корриган-младший, Фрэнк Гэрмон и Артур Петерсилг. Судьей на процессе был 70-летний Эдвард Близин, старейший судья Кливленда.

Буквально на пятой минуте открывшегося процесса Уильям Корриган-старший внёс ходатайство о переносе рассмотрения дела в другой округ. Своё предложение он мотивировал предубеждением против его подзащитного, которое сложилось у жителей округа и присяжных заседателей в последние месяцы ввиду бесконтрольного представления местными газетами предвзятой, с явным обвинительным уклоном, информации о деле. Разумеется, о подобном переносе не могло быть и речи – Эдварду Близину предстояло через 3 недели переизбираться на свою же должность, и он никак не мог лишить жителей Кливленда давно ожидаемого ими шоу. После быстро отклонённого ходатайства защиты судья предложил представителям прокуратуры ознакомить присяжных заседателей с обвинительным заключением.

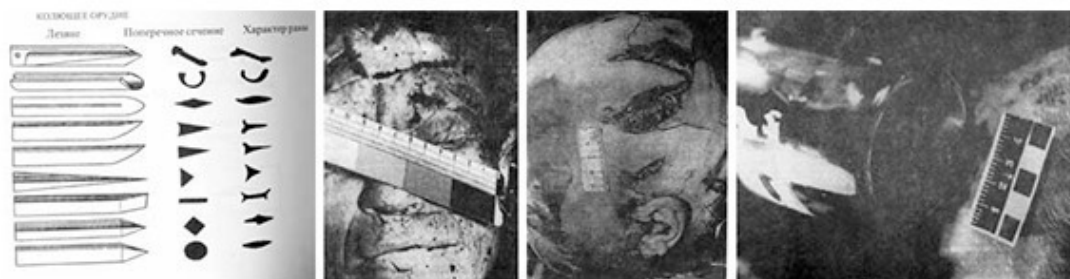
Эдвард Близин всю жизнь мечтал о политической карьере, ему даже удалось один год побыть исполняющим обязанности мэра Кливленда. Впрочем, после того, как он сокрушительно проиграл политические выборы, Близин вернулся к судейской практике, каждые 4 года баллотируясь на должность окружного судьи. В 1954 г. ему исполнилось 70 лет, но судья считал, что ему ещё рано на покой, и выставил свою кандидатуру на очередной срок. Ему чрезвычайно льстило внимание прессы к «делу Шэппарда» и его собственной персоне. Близин сделал всё для того, чтобы оправдать ожидания журналистов и избирателей.

После этого последовали допросы свидетелей обвинения.

Сначала был приглашён судебный медик, делавший вскрытие тела Мэрилин Шэппард. Аделсон красочно живописал о причинённых погибшей повреждениях и продемонстрировал присяжным большие фотографии как трупа, так и отдельных этапов его анатомирования. Обвиняемый смотреть на предложенные ему фотоснимки отказался. "Анатомички" в США организационно относятся к ведению "коронных" судов, и судебные медики состоят в штате службы коронера, так что Аделсон в каком-то смысле являлся коллегой обвинителей. Поэтому допрос его помощником окружного прокурора Мэхоном оказался очень мягким и даже дружелюбным. Казалось, выступление Аделсона так и пройдёт в обстановке благодушной заинтересованности, но всё переменялось, когда к его допросу приступил адвокат.

Корриган-старший быстро вскрыл огрехи анатомирования. Оказалось, что в ходе судебно-медицинского исследования трупа не проводилось изучение содержимого желудка, и кровь погибшей не проверялась на содержание алкоголя и снотворных препаратов. Фактически изучение содержимого желудка свелось к констатации того факта, что последний приём пищи имел место около 22:30, то есть за 4,5—5 часов до смерти. Данное наблюдение не несло в себе ни малейшей крупицы полезной информации. Между тем, очень важно было знать, насколько пьяна была Мэрилин и не усугубилось ли её состояние принятием каких-то лекарств. Возможно, нападение вовсе не сопровождалось громкими криками жертвы, и это прекрасно объясняет тот факт, почему той ночью ничего не слышал Сэм Шэппард-младший и почему не беспокоилась собака...

Аделсон не осуществил фотографирование ран на голове Мэрилин Шэппард. Внятного объяснения того, почему это не было сделано, адвокат так и не получил. Между тем, фотография раны способна многое рассказать об оружии, которым причинялось ранение. В 50-е года прошлого века практика фотографирования ран с соблюдением стандартных условий уже существовала во всех цивилизованных странах мира. Такие снимки тогда и сейчас называются "детальными" и представляют собою особую разновидность криминалистической фотографии. Правила их выполнения отличаются от тех, которыми руководствуются криминалисты при осуществлении "ориентирующей", "узловой" или "обзорной" фотосъёмки. (Снимки выполняются по правилам масштабной фотосъёмки с прикладыванием мерной линейки и соблюдением параллельности плоскости фотоплёнки и снимаемого объекта; изображаемый объект должен занимать весь кадр; если имеется орудие преступления – бутылка, топор и прочее – то оно прикладывалось к ране, дабы продемонстрировать соответствие его размеров и геометрии оставленному следу и тому подобное.) Почему Аделсон не зафиксировал крупным планом следы на теле погибшей, так и осталось не выяснено.

Эти фотографии из старых отечественных учебников криминалистики демонстрируют правила выполнения детальных фотоснимков ранений. Самый левый снимок показывает связь профиля орудия убийства с производимой им раной. Остальные снимки представляют собой детальные фотографии ранений из реальных уголовных дел. Отечественные криминалисты уже с 20-х гг. прошлого века осуществляли подобное фотографирование ранений жертв. Американцы этого не делали даже в 50-е годы. Впрочем, мало кто знает, что и дактилоскопирование преступников в России началось гораздо раньше, чем в Великобритании, которая традиционно считается пионером этой отрасли криминалистики.

Оказалось, что судебный медик толком не исследовал вопрос о возможном изнасиловании жертвы, ограничившись одним лишь внешним осмотром половых органов. Из текста представленного заключения следовало, что Мэрилин Шэппард не подвергалась грубому анальному и вагинальному изнасилованию, но подобное утверждение вовсе не отменяло возможности полового акта непосредственно перед смертью. Поисков спермы Аделсон не проводил, что представлялось очень странным, принимая во внимание специфику дела. Своё решение не проводить анализов медик объяснил тем, что со слов коронера пришёл к выводу о невозможности изнасилования: ноги жертвы были спущены с кровати на пол, а над её тазовой областью располагалась массивная деревянная распорка, исключавшая возможность коитуса с лежавшей в кровати женщиной.

В целом Корригану-старшему удалось продемонстрировать суду некомпетентность или по крайней мере неполноту проведённой Лестером Аделсоном работы.

Уже этот эпизод показал, что защита намерена предельно жёстко и даже формально защищать интересы обвиняемого, а стало быть, на лёгкое разоблачение, подобное тому, что случилось на следствии у коронера, обвинению теперь рассчитывать не придётся.

После допроса патологоанатома последовало приглашение к даче показаний Нэнси и Дональда Ахерн. Ничего примечательного их утверждения не содержали – супруги повторили знакомый уже рассказ о событиях последнего дня жизни Мэрилин Шэппард. Нэнси упомянула о том, что погибшая якобы подумывала о разводе с мужем, о чём и рассказала свидетельнице как раз накануне убийства. Адвокат попытался было заявить протест, поскольку данное заявление делалось "с чужих слов" и не подтверждалось показаниями других свидетелей (Дональд Ахерн заявил, что не может вспомнить такого разговора). Протест Корригана, впрочем, был судьёю отклонён, хотя формально адвокат в своих рассуждениях был совершенно прав. Столь серьёзные заявления, не подкрепляемые свидетельствами других лиц или документально, не должны приниматься к сведению судом.

После этого последовали допросы Спенсера и Эстер Хоук, полицейского Дренкхана, начальника полиции Бэй-виллидж Итона и, наконец, Ларри Хоука (того самого 16-летнего юноши, который нашёл зелёный мешок за домом Шэппардов). Показания Спенсера Хоука обо-

гатились воспоминанием, о котором тот никогда не упоминал прежде. По его словам, он лично слышал, как Ричард Шэппард, примчавшийся к брату рано утром 4 июля 1954 г. спросил того после осмотра спальни: "Признайся, ты это сделал?" Ответа Спенсер не слышал, но постановка такого вопроса показалась и ему, и обвинителю весьма красноречивой.

Впрочем, сам по себе этот вопрос (даже если он и был задан) ничего не доказывал и никого не разоблачал. Вообще же, обвинительный накал падал с появлением каждого нового свидетеля; строго говоря, трое последних из упомянутых лиц – Дренкхан, Итон и Ларри Хоук – вообще не сказали ничего обличительного в адрес Сэма Шэппарда.

Наконец, 16 ноября 1954 г. место для дачи показаний занял коронер Сэмюэль Гербер. С апломбом он рассказал о расследовании, в котором принимал участие, о личном осмотре трупа, о своём впечатлении от поведения обвиняемого во время предварительного следствия. С видом непререкаемого специалиста в судебно-медицинских вопросах он заявил, что смертельные раны Мэрилин Шэппард были нанесены именно медицинским инструментом. Это в высшей степени странное утверждение, ничем совершенно не подкреплённое, не прошло мимо внимания Корригана-старшего, и тот во время допроса свидетеля, разумеется, поинтересовался, о каком именно инструменте говорил Гербер. Коронер неожиданно стушевался – выяснилось, что он сам не знает, о каком именно инструменте толковал совсем недавно... Тогда адвокат не без издёвки в голосе осведомился: быть может, Гербер увидел на трупе какие-то специфичные раны, по одному виду которых сразу понял, чем именно они оказались причинены? И на этот вопрос бывалый коронер не нашёлся, что ответить – никаких особо примечательных ран он не видел. Более того, выяснилось, что при осмотре спальни он не включал свет, и хотя в восьмом часу утра солнце уже взошло, в комнате всё ещё было сумеречно из-за штор на окнах и тени крон росших на лужайке деревьев. При этом осмотр места преступления и трупа коронер умудрился провести за 2—3 минуты.

В общем, нельзя не признать того, что Уильям Корриган-старший сполна отплатил коронеру за собственное унижение при рассмотрении дела коронерским жюри и постыдное выдворение из зала. Гербер оказался раздавлен допросом защиты, сполна обнаружив собственную самонадеянность и некомпетентность.

Допрошенный после коронера детектив Шоттк попытался поддержать линию обвинения. Он заявил, что Сэм Шэппард, не зная, как лучше себя вести и какую линию поведения выбрать, в первые дни после убийства его супруги видоизменял даваемые показания. По мнению Шоттка, именно из-за сомнений в том, какую версию событий предпочесть, Шэппард вплоть до 8 июля уклонялся от дачи показаний под присягой и записью в протокол.

Что и говорить, подобное утверждение выглядело серьёзным упреком обвиняемому. Однако уже следующий свидетель – помощник шерифа округа Кайохога Карл Россбах – опроверг сказанное Шоттком. Россбах без лишних затей, что называется, "на голубом глазу", заявил, что Сэм Шэппард "всё время оставался последователен в своих объяснениях", хотя и добавил, что ему лично они не казались исчерпывающими.

В целом же нельзя не признать, что первые две недели процесса прошли под знаком явного превалирования защиты над обвинением. Вызванные прокуратурой свидетели заметно пасовали, не выдерживая той роли, которая им отводилась. Яркого, убедительного разоблачения женоубийцы не получалось; сенсационный процесс всё менее казался сенсационным.

Перелом, казалось, наступил, когда после Россбаха обвинение вызвало для дачи показаний Лестера Ховерстоуна, старинного, ещё со школьной поры, друга Сэма Шэппарда. С самого начала процесса заявление Ховерстоуна в качестве свидетеля обвинения удивило защиту, поскольку Шэппард пребывал в твёрдой уверенности, что тому решительно нечего сказать обличительного в его адрес. Оказалось, Сэм-старший недооценил друга.

Во-первых, Ховерстоун заявил, что Шэппард признался ему в своём намерении развестись с женою. Это признание якобы он услышал от обвиняемого за два дня до гибели Мэрилин.

Во-вторых, школьный друг сообщил во время допроса, будто слышал, как братья Ричард и Сэм Шэппард во время пребывания последнего в больнице обсуждали, какие показания надлежит давать Сэму во время допроса. По смыслу сообщения Ховерстоуна получалось, что братья готовились представить правоохранительным органам фальсифицированную версию событий.

Фактически допросом Ховерстоуна разоблачительный напор обвинения иссяк. Далее судом заслушивались лица, способные описать физическое состояние Сэма Шэппарда после событий ночи с 3 на 4 июля. Сначала выступил невропатолог Хекстер, освидетельствовавший обвиняемого 5 июля; он признал утрату у Шэппарда рефлексов в бёдрах и брюшине, что указывало на серьёзность травмы позвоночника. Врач заверил, что симулировать утрату рефлексов невозможно, а значит, Шэппард на самом деле находился на грани развития паралича. К счастью для него, лечение оказалось своевременным, квалифицированным и успешным, благодаря чему он не стал инвалидом. После Хекстера допрашивались детектив-криминалист Грабовский и судебно-медицинский эксперт из ведомства коронера Мэри Коэн: оба свидетеля имели возможность наблюдать Шэппарда в больнице. Они заявили, что обвиняемый действительно чувствовал себя очень плохо, испытывал боли, получал сильные болеутоляющие лекарства. То есть версия о возможной симуляции травмы фактически отпала, даже не родившись. Со стороны обвинения никто даже и не заикнулся о том, что Шэппард вовсе не был столь болен, как хотел казаться.

Допросы свидетелей обвинения закончились вызовом Сьюзен Хейс. Все присутствующие ожидали новых сенсаций, поскольку любовница обвиняемого выступала таким "гвоздём прокурорской программы". Но и тут все "домашние заготовки" обвинения вылились в банальный пшик. Хейс повторила лишь то, что он её уже слышали прежде; к своим прежним показаниям она ничего не добавила и, судя по всему, ей просто-напросто уже нечего было сказать. Рассказ о том, что Сэмюэль Шэппард вступил с нею в интимную связь в декабре 1952 г., подарил золотые часы и обещал жениться, тянул, конечно же, на мотив убийства, но объективно положение обвиняемого уже не ухудшал. Выражаясь языком биржевых брокеров, это были уже "старые новости". В свою очередь адвокаты Шэппарда допрашивали Хейс предельно корректно, не допустив ни единого выпада в адрес свидетельницы. Видимо, они остались чрезвычайно довольны тем, что женщина не вывалила присяжным какую-нибудь новую "внезапно всплывшую" деталь или подробность, которую чрезвычайно трудно оказалось бы с ходу парировать.

Но повторю ещё раз, ничего такого не случилось. Хейс пробыла в кресле свидетеля менее 50 минут – меньше, чем другие свидетели. Сидевшие в зале зрители (и прежде всего репортеры!) остались разочарованы. Сенсация не состоялась!

А вместе с этим стало ясно, что и однозначного обвинения не получилось. В целом представление свидетелей обвинения, длившееся практически месяц (с 4 ноября по 1 декабря 1954 г.), оказалось бледным и неубедительным. Да, с одной стороны прокуратура вроде бы указала на наличие мотива. Но что с того? Иногда мужчины действительно убивают ненавистных жён в припадке гнева. Однако миллионы спокойно разводятся и вовсе не думают убивать бывших жёншек из-за нежелания выплачивать алименты. А ещё больше мужчин спокойно живут в браке, имея любовниц... У Сэма Шэппарда действительно вроде бы имелся мотив избавиться от жены, да только он менее всего походил на придурочного алкоголика, способного на насилие в отношении своих близких. Обвинение, кстати, не сумело привести ни единого примера рукоприкладства обвиняемого...

В общем, следовало признать, что первая половина суда получилась бледной, даже формальной. Процесс явно не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Но сенсации начались, едва дело дошло до свидетелей защиты.

Первым оказался вызван Стивен Шэппард. И он сразу же поставил вопрос ребром: почему никто не говорит о том, что в спальне в ночь убийства побывал курящий человек? К спальне, явившейся местом трагедии, примыкал туалет, в унитазе которого плавал окуроч, который Стивен видел своими глазами, когда приехал в дом рано утром 4 июля. В доме к тому моменту побывал только один курильщик – Спенсер Хоук, но невозможно представить, чтобы он приблизился к залитому кровью труп с сигаретой во рту, которую затем бросил в туалете... Через какое-то время сигарета исчезла, и упоминание о ней не попало в протокол осмотра места преступления, составленный Дренкханом. Это ли не свидетельство некомпетентности полиции?!

Что говорить – удар пришёлся не в бровь, а в глаз. Главный обвинитель, разумеется, попробовал оспорить заявление Стивена Шэппарда, заявив, что оно голословно и ничём не подкреплено, однако, как скоро станет ясно, неприятные сюрпризы, связанные с некомпетентной работой полиции на месте преступления, вовсе не были исчерпаны одним только отсутствием в протоколе осмотра упоминания выброшенной сигареты.

Стивен Шэппард заявил, что Сэмюэль всегда отличался ровным характером и «отменным самообладанием». Даже имея дело с тяжёлым больным, при обращении с которым одно неловкое движение остеопата грозило превратить человека в калеку, Сэм всегда оставался спокоен и уверен в себе. Невозможно представить, утверждал Стивен, чтобы человек, профессионально имеющий дело с человеческими травмами и страданиями, до такой степени потерял самоконтроль, что нанёс смертельные ранения собственной жене, матери своего ребёнка, находившейся к тому же на 16 или 17 неделе беременности.

Допрос Стива Шэппарда явно произвёл сильное впечатление на всех присутствовавших в зале. Свидетель говорил о брате с большой теплотой и искренней верой в его невиновность. Обвинители, сменявшие друг друга в ходе допроса свидетеля, при всём своём желании не смогли бросить тень ни на самого Стива, ни на Сэма. Положительное впечатление, произведённое тёплыми словами свидетеля о брате, пожалуй, только усилилось после допроса Бэтти Шэппард, жены Стива, которая заняла свидетельское место после него.

Она прямо заявила, что Мэрилин и Сэм являлись прекрасной парой, вызывавшей восхищение и прямую зависть окружающих.

После Бэтти защита пригласила для дачи показаний Ричарда-младшего, ещё одного брата обвиняемого. Тут на голову прокуратуры посыпались обвинения куда более серьёзные, чем упоминание о незамеченном окурке. Ричард, побывавший на месте преступления ещё до появления coronera и детективов "убойного отдела" кливлендской полиции, заявил, что в начале седьмого часа утра труп Мэрилин Шэппард находился в другом положении! Фотографии, представленные суду, демонстрировали тело, передвинутое в нижнюю часть кровати ("в ноги"), из-за чего тазовая область действительно оказалась придвинута к деревянной распорке на спинке кровати. На самом же деле в седьмом часу утра труп лежал на спине гораздо выше, ближе к изголовью, и ноги его не спускались с кровати. При таком положении тела деревянная распорка вовсе не препятствовала половому акту с жертвой...

Таким образом получалось, что некто умышленно изменил положение тела Мэрилин Шэппард. И сделал это не убийца, а кто-то из полицейских. Вопрос «с какой целью это было сделано?» потребует отдельного рассмотрения в дальнейшем, сейчас лишь ограничимся указанием на то, что обвинители на процессе с негодованием отвергли подозрения в изменении сцены убийства. Ричарда Шэппарда они постарались выставить таким клеветником, готовым ради спасения брата оболгать «честных полицейских, беззаветно преданных делу». Но правда

такова, что следует признать: перемещение тела действительно имело место, и мы, живущие в 2023 году, знаем это лучше участников суда 1954 г.

Дело в том, что в 1998 г. находившийся на пенсии «профилёр» ФБР Грег МакКрэри подготовил «поисковый психологический портрет» убийцы Мэрилин Шэппард. Во время работы над ним МакКрэри получил для ознакомления материалы дела и все фотографии с места преступления. Среди них он отыскал и описал фотоснимок следов волочения тела по постельному белью – широкую кровавую полосу, указывавшую на то, что тело передвинули «в ноги» кровати примерно на 40 см или даже больше. О заключении Грега МакКрэри впереди будет разговор особый; сейчас лишь кратко отметим, что «профилёр» посчитал, будто труп двигал убийца. Но, скорее всего, МакКрэри ничего не знал об обвинениях Ричарда Шэппарда. На самом деле тело Мэрилин Шэппард могло быть сдвинуто «в ноги» кровати в 7 часов утра и даже позже, уже после того, как его видел Ричард Шэппард, приехавший на место преступления сразу после четы Хоук и полицейского Дренкхана. Кровь высыхает довольно долго, процесс этот может длиться 10—12 и больше часов, он зависит от температуры и влажности окружающего воздуха, а также наличия сквозняка. Даже если считать, что Мэрилин Шэппард погибла в 3:15 ночи, перемещение её тела около семи часов утра не могло не оставить узнаваемых кровавых следов на постельном белье.

К сожалению, о фотографии, найденной МакКрэри, Ричард Шэппард ничего не знал, никто ведь не допускал его знакомиться с материалами дела! А сами прокурорские работники, даже если и знали о существовании подобного фотоснимка, предпочли на суде об этом не вспоминать (в силу очевидных причин). Так что обвинения свидетеля повисли голословными утверждениями, но даже в таком виде они произвели сильное впечатление: многие сидевшие в зале поняли, что с "делом Сэма Шэппарда" что-то "не совсем чисто".

Кроме того, Ричард категорически отверг заявление Спенсера Хоука, утверждавшего, будто он, Ричард, выйдя из спальни после осмотра тела Мэрилин, осведомился у брата: "Признайся, Сэм, ты это сделал?" Свидетель утверждал, что никогда, ни на одну секунду не мог допустить, будто его брат способен на убийство жены.

После допроса Ричарда Шэппарда эмоциональный накал не только не ослабел, но даже усилился. Защита явно выстроила допрос своих свидетелей таким образом, чтобы впечатление от их показаний шло по нарастающей. После Ричарда защита пригласила для допросов персонал больницы "Бэйвью", куда утром 4 июля 1954 г. был доставлен Сэм Шэппард. Показания дали два медбрата, помогавшие потерпевшему, рентгеновский техник, делавший снимки шеи и черепа, доктора, лечившие Сэмюэля: радиолог, отоларинголог и стоматолог. Они, в частности, рассказали о том, что потерпевший испытывал такую боль, что не мог разжать челюсти, чтобы выпить обезболивающее лекарство. На шее Сэма Шэппарда образовался сильный отёк, угрожавший дыханию. По мнению свидетелей, невозможно было представить, чтобы обвиняемый, будучи медицинским специалистом высокого класса, решился причинить самому себе столь опасную травму просто из желания придать собственной версии событий побольше правдоподобия. Да и невозможно было ударить самого себя по затылку с необходимой силой и притом с нужной точностью. Все врачи отвергли версию о саморанении как совершенно фантастическую.

Удивительный по своей трогательной теплоте снимок: Ричард Шэппард-старший, отец обвиняемого, подошёл к Сэму во время перерыва между заседаниями суда... Сколь красноречиво эта фотография свидетельствует о доверительных отношениях, царивших в этой семье.

Затем последовал допрос доктора Чарльза Элкинса, выступившего в роли независимого медицинского эксперта. В целом он согласился с точкой зрения защиты, доказывавшей, что Сэм Шэппард не симулировал тяжесть ранения и не причинял его сам.

9 декабря 1954 г. последовал допрос Сэма Шэппарда защитой (обвиняемый в американском правосудии может выступать свидетелем по собственному делу). Он категорически отверг все инсинуации относительно возможного развода с женою, назвав разговоры об этом "недобросовестным вымыслом". Шэппард подробно рассказал, как полиция и прокуратура добивались от него признательных показаний, упомянул о вечернем аресте и недопуске к нему адвоката. Безусловно, эта часть речи была тщательно обговорена Корриганом-старшим и Сэмом Шэппардом; думается, она произвела на присяжных необходимое впечатление.

Обвинение, приступив к допросу обвиняемого, постаралось в максимальной степени нейтрализовать мощный разоблачительный эффект, произведённый действиями защиты. Главный обвинитель Джон Мэхон добился от Сэма Шэппарда повторения признания того факта, что тот на протяжении полутора лет изменял жене. Мэхон добился от обвиняемого и другого важного признания, не звучавшего прежде, а именно в том, что Сэм Шэппард, сидя в собственном "ягуаре", припаркованном возле одного из кливлендских парков, целовался с некоей дамой. И дама эта не была Сьюзен Хейс. Таким образом обвинитель сумел создать впечатление того, что обвиняемый изменял жене регулярно и притом с разными женщинами.

Тем не менее в конце допроса Шэппард твёрдо повторил, что не нападал на свою жену, не совершал её убийства и не имитировал собственное ранение.

После допроса Сэма Шэппарда произошёл весьма примечательный эпизод, характеризующий обстановку на процессе и поведение судьи. Уже упоминавшийся радиожурналист Уолтер Винчелли в одном из своих репортажей со ссылкой на «конфиденциальный источник» упомянул о существовании ребёнка, прижитом обвиняемым вне брака. На следующий день адвокат Сэма Шэппарда предложил судье опросить присяжных на предмет того, слушали ли они эту передачу, и если «да», то просить их не принимать во внимание услышанное как не соответствующее действительности.

Обращение адвоката было абсолютно разумно и полностью соответствовало закону. Однако реакция судьи оказалась неожиданно грубой; Эдвард Близин, повысив голос, ответил: «Что ж, я даже и не знаю, мы не можем останавливать людей (то есть присяжных заседателей),

делающих это, слушающих это. Это вопрос свободы слова, и суд не может управлять каждым... Мы не собираемся беспокоить жюри каждое утро (подобными вопросами)...» («Well, I don't know, we can't stop people, in any event, listening to it. It is a matter of free speech, and the court can't control everybody... We are not going to harass the jury every morning...»). Судья отклонил запрос защиты и к членам жюри не обратился.

Поведение Близина оказалось совершенно скандально. Через много лет члены Верховного Суда США не могли поверить в подобный ответ судьи и для этого специально сверялись со стенограммой судебного заседания. Оказалось, что именно так Эдвард Близин и ответил.

После допроса обвиняемого защита вызвала для дачи показаний свидетелей, заявлявших, что они видели поздним вечером 3 июля 1954 г. высокого брюнета в белой рубашке, наблюдавшего за домом Шэппарда из кустов. Но тут у Корригана-старшего вышла осечка: обвинение в ходе допроса быстро установило, что свидетели заявили о себе уже после того, как Сэм Шэппард оповестил через газеты о намерении выплатить 10 тыс.\$ за информацию о подозрительном мужчине. Таким образом обвинение заронило в души присяжных сомнения в добросовестности свидетелей.

Однако последнюю точку в состязании сторон поставила всё-таки защита. Вызванный ею сержант полиции Бэй-виллидж Джей Хубач признал то, что в туалете второго этажа ранним утром 4 июля действительно был окурок сигареты. Его заявление обвинение оставило без комментариев и допросу свидетеля не подвергло; воистину, это был именно тот случай, когда помощнику окружного прокурора лучше было жевать, чем говорить. Показания сержанта вновь оживили столь неприятные для обвинения воспоминания об огрехах предварительного расследования.

16 декабря 1954 г. начались прения сторон. Судья Эдвард Близин (во время процесса он, кстати, успешно переизбрался на новый срок; собственно, в этом мало кто сомневался, ведь человек, устроивший своим избирателям такое шоу, не мог проиграть выборы!) заявил, что не позволит представителям сторон затягивать свои речи более чем на 5 часов. Надо сказать, что выступления и обвинителя и защитника оказались в равной мере эмоциональными и логичными. Помощник прокурора Паррино, выступавший от стороны обвинения, ёмко и чётко суммировал "тело доказательств". В его формулировках дело действительно выглядело ясным: почему убийца в гневе бьёт Мэрилин 35 раз, а Сэма – всего 1? почему руки обвиняемого оказались чисты, хотя он утверждает, будто дважды ощупывал пульс мёртвой супруги? если он смывал кровь, то почему не признаётся в этом? где его футболка? что он делал более 2 часов после смерти супруги? и так далее и тому подобное. Обвинитель напомнил и о том, что Шэппард отказался пройти проверку на "детекторе лжи", хотя подобный отказ, как уже говорилось выше, не может считаться признанием вины и на него нельзя ссылаться в суде. Тем не менее обвинитель сослался, и судья его не остановил...

Обвиняемый ничего не мог ответить на большинство вопросов обвинителя. И Корриган-старший прямо признал это в своей ответной речи. Но ведь Шэппард и не обязан был это делать! Все доводы обвинения были косвенны и притом получены весьма некорректными с юридической точки зрения способами (вечерний арест, отказ во встрече с адвокатом, продолжительные допросы изо дня в день...). Медицинское заключение по мнению защиты было спорно и как *minimum* неполно. Сэм Шэппард никогда не признавал себя виновным в инкриминируемом ему преступлении. Повернувшись к детективу Шоттке, Корриган-старший гневно выкрикнул: «Вы провели 2 или 3 минуты в спальне (...) И на этом основании заявили, что обвиняемый виноват, и пожелали забрать его жизнь?»

Пожалуй, день прения сторон явился всей кульминацией процесса. Обе стороны оказались на высоте положения. И самое главное заключалось в том, что все присяжные и зрители, сидевшие в зале, поняли, что даже к 17 декабря вопрос о том, кто же убил Мэрилин Шэппард,

так и остался открытым. Каждая из сторон процесса всё также стояла на своих прежних позициях, и никакой ясности в ходе слушания дела так и не возникло.

На следующий день – 17 декабря 1954 г., в пятницу, после напутствия судьи коллегия присяжных заседателей отправилась для вынесения вердикта в гостиницу. Они не были изолированы в зале суда, как того требовали правила, для женщин-членов жюри не нашлось женской обслуги и поэтому... женщины-присяжные в последующие дни спокойно выходили из гостиницы за покупками. И возвращались из города не только с гигиеническими принадлежностями из аптек, но и газетами, которые прочитывались членами жюри и горячо обсуждались. А это было уже грубейшим нарушением процедуры, требующей, чтобы члены жюри присяжных при вынесении вердикта ориентировались только на информацию, полученную в зале суда!

Тем не менее судья Эдвард Близин постарался ничего этого не заметить. На его процессе скандалов не должно было быть, тем более под самый занавес...

Оглашение вердикта произошло вечером 21 декабря. На первый вопрос, поставленный судьёй, относительно умышленности и предварительной подготовленности убийства Мэрилин Шэппард присяжные ответили: "Нет". Такой вердикт гарантировал невынесение обвиняемому смертного приговора. Защита бросилась обниматься – дело казалось выигранным. Но на второй вопрос ("двойное убийство признаётся совершённым умышленно, но без подготовки") присяжные ответили положительно. Присяжные всё же посчитали, что именно Сэм Шэппард убил свою жену, хотя и не готовил это преступление заранее.

Спустя много лет тележурналистка Дороти Килгаллен, присутствовавшая на процессе от начала до конца, назвала этот приговор "неожиданным и неслыханным". По её мнению, защита выглядела в этом суде намного убедительнее обвинения.

Но дальше стало только интереснее! Судье потребовалось узнать, как распределились голоса членов жюри (эта тонкость имела значения при вынесении приговора: чем более единодушным было решение, тем более строгим должен быть приговор). Близин затребовал от старшины присяжных записки с голосованием: каждый из членов жюри подавал старшине неподписанную записку с принятым решением, и все эти записки хранились у него до момента передачи их судье. Старшина, разумеется, отдал записки Эдварду Близину, и тут выяснилось, что записок оказалось не 12, а... 18! То есть 12 членов жюри подали 18 записок. Это был скандал, означавший не просто нарушение регламента, а нечто большее: присяжные не поняли разъяснений судьи относительно процедуры голосования. Между тем процедурный вопрос представлялся очень важным, поскольку существует понятие "тайны совещательной комнаты", и персональное распределение голосов присяжных всегда должно сохраняться в абсолютной тайне (даже от судьи; эта норма действует в интересах безопасности присяжных, дабы исключить месть со стороны обвинённых ими лиц).

В принципе, любой нормальный судья, убедившись в том, что присяжные заседатели напортачили и проголосовали с грубейшим нарушением регламента, должен был остановить процесс. Существует определённая процедура разрешения подобных запутанных ситуаций, связанная с перенесением решения в суд высшей инстанции, но речь сейчас не об этом. Эдвард Близин не только не остановил суд, но простодушно приказал присяжным "повторить, как именно они голосовали". Это было вопиющее нарушение основополагающих принципов американского правосудия, но 70-летний судья даже глазом не моргнул! Присяжные, подчиняясь приказу судьи, поимённо повторили, как именно распределились их голоса (вот она, "тайна" совещательной комнаты!).

И тут вылезла ещё одна скандальная подробность! Оказалось, что помимо 12 членов жюри проголосовали и... 3 запасных. Они тоже заполнили и подали 3 записки. До кучи, так сказать. Раз уж они просидели весь суд от начала до конца, так отчего бы не проголосовать, правда?

Теперь-то уж судье совершенно необходимо было объявить о приостановке суда и передаче рассмотрения дела в Верховный Суд штата. Ведь если присяжные до такой степени не поняли самого главного вопроса – регламентного! – то что же они могли уяснили в остальном? В принципе, обнаружившиеся нарушения не были виной заседателей – это скорее была вина судьи, не сумевшего чётко и внятно объяснить присяжным порядок их действий.

Разумеется, Близин от ведения дела не отказался; он без лишних затей записал, как поимённо распределились голоса присяжных заседателей, и закрыл на этом заседание вплоть до вынесения приговора.

Безусловно, большой интерес представляет распределение голосов членов жюри. Из 7 мужчин и 5 женщин все 12 проголосовали против признания вины Сэма Шэппарда в умышленном, заранее обдуманном и подготовленном двойном убийстве. За признание виновности в умышленном, но спонтанном двойном убийстве проголосовали 6 мужчин и 1 женщина; за полную невиновность – 1 мужчина и 4 женщины. Таким образом, виновность Шэппарда признавалась большинством в 2 голоса, что, безусловно, указывало на большие сомнения членов жюри в доказательной силе обвинения. Важен был и другой аспект: женщины из состава жюри присяжных продемонстрировали неожиданную снисходительность к женоубийце, чего обычно на процессах такого рода не наблюдается (женщины больше мужчин склонны к морализаторству и обычно демонстрируют непримиримость в вопросах защиты семейных ценностей). Даже то, что обвинение доказало неоднократные измены Сэма Шэппарда, не отвратило от него симпатий женской части жюри. Это наблюдение ясно указывало на то, что женщины-заседатели не увидели фатального трагизма в обрисованной им ситуации и не поверили в ту мотивировку преступления, которую представило обвинение. Разумеется, определенную роль в отмеченном результате сыграли респектабельный внешний вид подсудимого, его манеры и обаяние, но эти детали не имели бы значения, если бы аргументация стороны обвинения оказалась по-настоящему убедительной.

Итак, фактически процесс оказался выигран обвинением с превышением в 2 голоса присяжных – прямо скажем, ничтожный результат для дела, казавшегося прокуратуре ясным уже через несколько часов с момента обнаружения тела Мэрилин Шэппард. В принципе, суд не только не разрешил тех неясностей и нестыковок в объяснениях событий трагической ночи, что имелись у обвинения и защиты Сэма Шэппарда, но, напротив, лишь выпукло их подчеркнул.

Суд проходил в обстановке нездорового ажиотажа и прямо-таки несуразного внимания средств массовой информации. О том, как репортёр Уолтер Винчелли вбросил сообщение, будто у Сэма Шэппарда имеется прижитый вне брака ребёнок, уже упоминалось. История эта имела продолжение. Информация о «тайном ребёнке» вызвала всеобщие кривотолки и горячее обсуждение; адвокаты Шэппарда потребовали от репортёра открыть источник информации, которую они назвали «клеветнической». Винчелли, разумеется, сделать это отказался. В конце концов, уже после закрытия процесса под угрозой судебного преследования за диффамацию журналисту пришлось назвать человека, сообщившего ему о ребёнке: источником информации оказалась полусумасшедшая женщина, наблюдавшаяся у психиатра и не имевшая никаких связей с окружением Сэма Шэппарда. Под угрозой судебного разбирательства она от своих слов, разумеется, отказалась, и таким образом выяснилось, что сообщение Винчелли было лживо от начала до конца. Репортёр это признал, принёс извинения, да только время уже было упущено – клеветническая информация сделала своё чёрное дело, повлияв на присяжных заседателей.

Итак, 21 декабря 1954 года присяжные заседатели признали Сэма Шэппарда виновным в убийстве 2-й степени. А 3 января 1955 г. судья Эдвард Близин огласил приговор по делу: пожизненное содержание Сэма Шэппарда в тюрьме.

Через 4 дня – 7 января 1955 г. – мать Сэма застрелилась из револьвера мужа, оставив предсмертное письмо, адресованное сыну Стиву. Письмо это – строго говоря, записка – состояло всего из одной фразы, гласившей, что мать не может жить без сына. В тот же день Сэм обратился из тюрьмы к американской прессе, обвинив в смерти матери сотворённую американским судом несправедливость.

Пресса не осталась в стороне от произошедшего. Газетчики попытались проникнуть на церемонию прощания и похорон, дабы увидеть Сэма Шеппарда, которого для этого должны были привезти из тюрьмы. Почему-то всех интересовал вопрос, связанный с тем, будет ли осуждённый закован в наручники или нет. Однако никто из посторонних не был допущен ни в морг, ни на кладбище, а потому вопрос о наручниках некоторое время оставался без ответа. Понимая, что обращаться с расспросами подобного рода к взрослым членам семьи чревато мордобоем, журналисты сумели подловить 7-летнего Сэма-младшего, вышедшего на улицу в одиночестве, и задали беспокоивший их вопрос вопрос мальчику. Тот ответил, что не видел наручников на руках отца... Согласитесь, поразительная история, весьма выпукло демонстрирующая как образ мышления, так и поведения американских журналистов той поры!

Через несколько дней – 18 января 1955 г. – скорпостижно скончался Ричард Шеппард-старший, отец осуждённого Сэмюэля. Ещё 20 декабря 1954 года он слёг с плевритом и по этой причине не смог присутствовать при оглашении вердикта присяжных. Затем состояние его несколько улучшилось, он даже появился на похоронах жены. Но не прошло и 2-х недель, как вполне крепкий и дееспособный 65-летний мужчина ушёл из жизни. Причиной смерти явилось прободение старой язвы желудка. Несмотря на проведённую операцию, возникло так называемое геморрагическое кровотечение, неудержимое просачивание крови во внутренние органы сквозь стенки сосудов, которое не удавалось ничем остановить и которое в конечном итоге повлекло за собою смерть. Врачи не сомневались, что причиной открывшегося у Ричарда кровотечения явились стрессы последнего времени.

На похороны отца Сэм Шеппард также был отпущен из тюрьмы. Со времени самоубийства матери и вплоть до конца января заключённый находился под особым наблюдением с целью исключения попытки самоубийства. На это время его даже поместили в специальную камеру. Но как впоследствии признался Майкл Ацелло (Mike Ucello), тюремщик, отвечавший за содержание Шеппарда, тот никогда не демонстрировал суицидальных наклонностей, хотя и очень скорбел по умершим родителям.

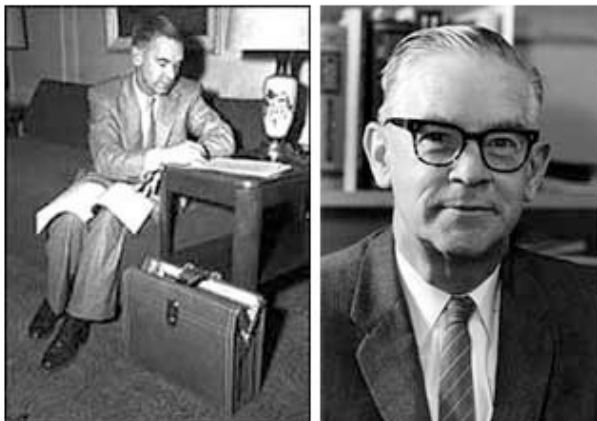
Несмотря на приговор суда, Корриган-старший не считал дело оконченным. Буквально со дня оглашения приговора адвокат стал готовить апелляцию в Апелляционный Суд штата Огайо для пересмотра дела. И тут выяснилась одна немаловажная в контексте последующих событий деталь: Корриган предполагал в своей апелляции сослаться на недопуск независимого эксперта Энтони Казлаускаса на место преступления в августе 1954 г. как на крупное нарушение закона со стороны прокуратуры округа Кайохога. Однако выяснилось, что оснований для такой ссылки нет – адвокат не оформлял официального запроса на допуск независимого эксперта и потому не получал официального отказа (на устный отказ, понятное дело, он сослаться не мог). Таким образом оказалось, что возможностью привлечь независимого эксперта защита Сэма Шеппарда до сих пор не пользовалась.

А потому этим правом Корриган-старший решил воспользоваться теперь, в январе 1955 г. Как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Уже в первых числах января он обратился к прокурору округа Кайохога с заявлением об обеспечении допуска независимого эксперта на место преступления – в дом семьи Шеппард. Прокуратура противиться этому не стала, в конце концов, приговор Сэму уже был вынесен. После получения формального разрешения на осмотр дома Корриган-старший связался с известным калифорнийским криминалистом Полом Лиландом Кирком, 52-летним препода-

вателем одного из калифорнийских университетов, и попросил его приехать в Огайо, чтобы осмотреть место преступления.

Здесь необходимо сказать несколько слов о Поле Кирке. Это был человек энциклопедических знаний в теоретических вопросах криминалистики и биохимии и при этом с немалым опытом практической работы как преподаватель, обучавший будущих юристов на протяжении почти 30 лет.

Пол Лиланд Кирк. Фамилия этого человека неотделима от «дела Сэма Шэппарда».

Преподавательскую работу он начал ещё в 1924 г. в университете г. Питтсбург, затем переехал в Калифорнию, где был приглашён на работу в тамошний университет. В 1933 г. Кирк стал доцентом, а в 1949 и в 1950 гг. – полным профессором по кафедрам биохимии и криминалистики соответственно. В 1954 г. он отказался от преподавания биохимии и всецело сосредоточился на работе кафедры криминалистики. Красноречивый штрих к портрету: как большой специалист в области биохимии Пол Кирк в 1942-45 гг. работал по программе "Манхэттенский проект" (создание американской атомной бомбы). К 1954 г. он издал 4 научных монографии и 240 статей, а также выступил консультантом по 2 тысячам гражданских и уголовных дел. Его приглашали в суды Ямайки, Великобритании и Канады. Далеко не каждый криминалист из офиса коронера мог бы похвастаться таким опытом практической работы!

22 января 1955 г. Пол Кирк прибыл в Кливленд и сразу же отправился в Бэй-виллидж. В течение дня в сопровождении полицейского наряда он тщательнейшим образом осмотрел дом Шэппардов, изъяс некоторые образцы крови, показавшиеся ему интересными, после чего убыл в Калифорнию. Полтора месяца Кирк готовил своё заключение, после чего представил его сначала Корригану-старшему, а позже – редакции журнала "Criminalist", где оно и было опубликовано.

Документ, подготовленный Кирком, оказался весьма большим – 19 машинописных страниц. Независимый криминалист извлёк из осмотра столько новой информации, что имеет смысл остановиться на его исследовании подробнее. Самые существенные наблюдения и выводы Пола Кирка сводились к следующему:

а) подушка в кровати Мэрилин Шэппард использовалась жертвой для защиты головы от ударов. Обильные следы крови были обнаружены на обеих сторонах подушки (в полицейском протоколе осмотра места преступления об этом не сказано ни слова!). Именно тем, что жертва закрывала лицо подушкой, может быть объяснён тот факт, что криков Мэрилин никто не слышал: на самом деле Мэрилин кричала, но её голос заглушался подушкой;

б) странный след на лицевой части наволочки, образовавшийся, по мнению коронера Гербера, в результате того, что преступник положил на подушку "окровавленный медицинский инструмент", на самом деле имел куда более прозаическое происхождение – это был след боль-

шого кровавого пятна, зеркально отпечатавшийся в результате сгибания подушки. К загадочному "медицинскому инструменту" пятно это не имело ни малейшего отношения;

в) преступник опасался криков жертвы и для этого зажимал ей рот рукою. Его большой палец был прокушен передними резцами Мэрилин Шэппард – на это указывали по меньшей мере три несвязанных соображения:

– на внутренней поверхности губ Мэрилин Шэппард, согласно протоколу аутопсии, отпечатались зубы – такая картина наблюдается при сильном их прижиге и частичном закусывании. Если бы губы прижимались к зубам только подушкой, то подобного следа на них не осталось бы; нужное усилие может дать только рука;

– в протоколе осмотра трупа Мэрилин Шэппард содержалось указание на отсутствие у жертвы двух верхних передних резцов, однако преступник не наносил ударов орудием убийства по губам и нижней челюсти. Все его удары были сосредоточены в верхней части головы. Зубы жертвы могли быть вырваны преступником в момент сильного рефлекторного рывка, вызванного болью в травмированном пальце. Вырванные зубы были найдены расколовшимися в кровати и приобщены к делу, но кливлендских криминалистов они не заинтересовали. Между тем характер сколов ясно указывает на направление разрушающего воздействия: изо рта наружу. Факт, что никто из ответственных лиц не задумался о причине столь странного воздействия, ясно демонстрирует поверхностность и некомпетентность проведённого расследования;

Привлечение Пола Кирка к сбору и анализу улик не прошло мимо внимания журналистов. В течение первой половины 1955 года в газетах как Огайо, так и других штатов появилось довольно много публикаций, посвященных работе независимого эксперта по «делу Сэма Шеппарда». Вот навскидку заголовки некоторых: «Эксперт по преступлениям изучит убийство Шеппард для поиска новых доказательств», «Частный исследователь заявляет, что дело Шеппарда не закрыто», «Борьба за новое разбирательство дела Шеппарда».

– полицейские обнаружили след крови на первом этаже здания, у основания лестницы. Кровь эта не могла попасть туда с орудия убийства; как показывает практика, свободное стекание крови даже с сильно окровавленного предмета (вроде топора, ножа или молотка) возможно в радиусе не более 20 м от места попадания крови на предмет (это максимальное расстояние, реально оно значительно меньше и составляет примерно 5—7 м при нормальной скорости движения человека с окровавленным предметом в руках). Время стекания крови очень ограничено и не превышает 45 секунд. Другими словами, если окунуть молоток в ведро с кровью,

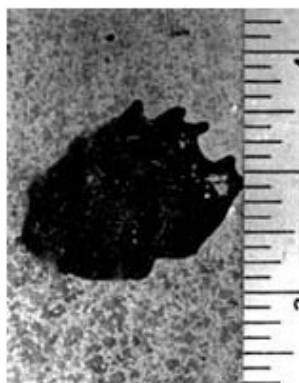
то стекание крови с молотка прекратится самое позднее через 3/4 минуты. Это наблюдение связано с фундаментальным свойством крови – способностью сворачиваться. Поэтому кровь на первом этаже возле лестницы могла очутиться лишь в одном случае – если она истекала непосредственно из раны. Сэм Шэппард открытых ран не имел, а Мэрилин Шэппард по дому не передвигалась, поэтому Пол Кирк предположил, что небольшую открытую рану получило некое третье лицо, присутствовавшее на месте преступления. Наиболее очевидным ранением представлялся именно укус преступника жертвою;

г) считая пункт «в») доказанным, Пол Кирк предпринял попытку отыскать следы крови загадочного преступника. Полиция изъяла щепу из пола первого этажа со следом крови, приобщив его к уголовному делу как «улику №87». Эту щепу прокуратура, разумеется, не выдала Кирку для проведения анализа крови (хотя и сама такой анализ не проводила и проводить в будущем отказалась). Поэтому Кирк постарался отыскать другие следы крови, которые могли быть связаны с действиями неизвестного лица на месте преступления. Его внимание привлекли кровавые мазки, оставленные на двери шкафа в спальне и на двери туалета. (Всего Кирк взял с места преступления 2 образца крови: с двери шкафа и с матраса, на котором лежало тело Мэрилин Шэппард.) В результате исследования образцов на групповую принадлежность, проведённого Кирком по возвращению в Калифорнию, было установлено, что они принадлежат «0» группе, но разным лицам, так как образцы сильно различались по составу. Возраст образцов был одинаков, Кирк посчитал, что им около 7 месяцев (к сожалению, в то время ещё не существовало способа выделения из крови так называемого Х-хроматина, который позволил бы однозначно определить половую принадлежность хозяина кровавого отпечатка). Одним из обладателей крови «0» группы являлась Мэрилин Шэппард, другим – неизвестное лицо, которым не могли быть её муж и сын;

д) изучив следы крови на полу спальни, Пол Кирк пришёл к выводу, что на быстро высохшие пятна попала в избыточном количестве вода, размывшая их края и придавшая им характерную нечёткость. Между попаданием на пол крови и воды прошло достаточно много времени – примерно 1-2 часа, так как пятна успели высохнуть. Это наблюдение Пол Кирк посчитал убедительным подтверждением точности рассказа Сэма Шэппарда о возвращении в спальню с пляжа в мокрых штанах и повторном ощупывании им тела Мэрилин в поисках пульса;

е) проанализировав распределение следов крови на стенах спальни и предметах окружающей обстановки, Пол Кирк отметил явную недостаточность описания их распределения в полицейском протоколе. (Фактически протокол упоминал лишь о крови на двери в спальню, между тем капли крови находились практически на всех объектах вокруг кровати – радиаторе отопления, двери, северной и южной стенах, шкафу и прочих; фактически крови не было только на потолке). Пол Кирк чётко разделил следы крови по источнику их происхождения: кровь, разлетавшаяся с орудия убийства во время замаха образовывала капли не более 12 мм округлой или овальной формы; кровь, разбрызгивавшаяся раной в момент удара, давала многочисленные мелкие, сильно вытянутые капли; свободно истекавшая из ран кровь оставила большие кровавые пятна на постельном белье. Из рассмотрения капель крови эксперт заключил, что они разлетались с орудия убийства с различными скоростями, поскольку скорость его движения при замахе изменялась. По мнению Кирка, убийца орудовал левой рукой, в которой сжимал предмет длиной около 40 см, имевший "выступающий, но скруглённый край" (это мог быть ручной фонарь или ночной светильник. Напомним, что один из двух светильников, находившихся в спальне, исчез). Кирк убедительно доказал, что убийца не мог наносить удары слева, замахиваясь правой рукой, так как в этом случае распределение кровавых капель на предметах окружающей обстановки оказалось бы совсем иным (дуга разлёта стала бы примерно вдвое короче). Кроме того, убийца не мог замахиваться из-за головы, так как в этом случае кровавые пятна неизбежно попали бы на потолок (чего не наблюдалось). Таким образом,

Кирк пришёл к выводу, что убийца наносил удары левой рукой слева, причём орудие убийства двигалось по пологой нисходящей траектории.

Размытый след крови на полу спальни, на который, согласно версии Пола Кирка, попала вода, стекавшая с брюк Сэма Шэппарда.

В своей статье для журнала "Criminalist" Пол Кирк коснулся и вопроса о возможном саморанении Сэма Шэппарда в целях имитации нападения. Он такими словами оценил вероятность подобного поступка со стороны осуждённого: "Поскольку человек, полностью осознающий опасность, связанную с ударом в заднюю часть шеи, сталкивается с почти непреодолимой трудностью контроля такого удара, никакой доктор никогда не рискнёт испытать его на себе".

Заключение Пола Кирка, фактически доказавшего присутствие на месте преступления третьего лица, вдохнуло силы как в братьев Шэппард, так и адвокатов Сэма. В апреле 1955 г. они возбудили дело в Апелляционном Суде штата Огайо; в своём иске Корриган-старший напирал на многочисленные свидетельства неполноты прокурорского расследования, нарушение процедурных вопросов судом и предвзятость прессы, от негативного влияния которой жюри присяжных не было должным образом изолировано.

13 июля 1955 г. эта апелляция была отклонена.

А на следующий день мальчишки, купавшиеся в озере Эри неподалёку от участка пляжа, принадлежавшего Шэппардам, подняли со дна сильно деформированную лампу-ночник. Предмет этот в точности походил на ночной светильник, стоявший у кровати Мэрилин Шэппард и исчезнувший с места преступления. Металлические части лампы были сильно погнуты во многих местах; казалось несомненным, что деформация явилась следствием многочисленных ударов. Находка была предъявлена полиции Бэй-виллидж, но там она никого не заинтересовала: подросткам было заявлено, что «дело Сэма Шэппарда» закрыто, а потому нет никакой нужды тащить в полицию всякий хлам. Однако лампу эту в июле 1955 г. видели многие, в том числе и взрослые жители Бэй-виллидж, что немаловажно здесь отметить.

Сэмюэль Шэппард содержался в исправительной тюрьме штата Огайо, расположенной в городской черте Кливленда. Сын и братья пользовались правом ежемесячного свидания с заключённым. Отец и сын постоянно переписывались, впоследствии Сэм-младший признавался, что у него скопилась «целая гора» писем с тюремным штемпелем. Сэм Шэппард-старший подписывал свои послания буквами «VQP» – аббревиатурой латинской фразы «vincita quia patitura» («кто вынесет – победит»). Это изречение он избрал девизом своей дальнейшей жизни.

Сэм Шэппард-младший.

Уильям Корриган подготовил иск в Верховный Суд штата, в котором оспаривал правомерность осуждения Сэма Шэппарда в условиях явных нарушений процедуры судьёй Близиным. В апреле 1956 г. Верховный Суд не нашёл оснований для пересмотра приговора, но 2 из 9 его членов сделали особые заявления, в которых осудили нездоровую обстановку вокруг процесса 1954 г. и «вседозволенность прессы».

Братья Ричард и Стив продали дом Сэма Шэппарда и разделили оставшееся от осуждённого имущество. Во время раздела имущества выяснилось, что 2 спортивных кубка Сэма, полученные ещё во времена студенчества, разбиты. Когда это случилось и кто виновник акта вандализма, установить так и не удалось. Сэм Шэппард утверждал, что вплоть до 4 июля 1954 г. упомянутые кубки оставались целы; были ли они разбиты в ночь убийства Мэрилин или это случилось позже – неясно до сих пор. Полицейский протокол осмотра места преступления никаких указаний о судьбе кубков не содержит, но этот документ, как уже ясно любому, вообще был составлен предельно формально.

История с разбитыми спортивными кубками так и осталась тёмной, но к ней ещё придётся вернуться в другом месте и в ином контексте.

В 1956 г. редактор газеты «Кливленд пресс» Луис Зельцер (Lous B. Seltzer) издал книгу воспоминаний. Называлась она «Хорошие были годы» («The years were good»); одна из глав книги была посвящена «делу Сэма Шэппарда». Это была первая книга, предлагавшая читателю систематизированный обзор расследования убийства Мэрилин Шэппард и суда над её мужем. Сейчас число таких книг приближается к 40. Надо сказать, что возглавляемая Зельцером газета всегда демонстрировала абсолютную уверенность в виновности осуждённого и зло нападала на него. Из книги можно понять, что эту агрессивно-непримиримую тональность задавал сам редактор. Как увидим из дальнейшего, история с изданием мемуаров имела совершенно неожиданное и притом крайне унижительное для автора продолжение.

Между тем Уильям Корриган подготовил иск в Верховный Суд США, но его даже не приняли к рассмотрению. Произошло это в ноябре 1956 г. «Дело Сэма Шэппарда», таким образом, оказалось окончательно закрыто.

Шли годы. Казалось, ничего не происходило с «делом Шэппард» и произойти уже не могло.

Но 4 ноября 1959 г. полиция Кливленда задержала 30-летнего Ричарда Эберлинга, работавшего мойщиком окон и обворовавшего клиента. У нищего разнорабочего в доме оказалась масса дорогих и не очень вещей – дамских украшений, часов, столового серебра из разных наборов. Всё это барахлишко явно было ворованным. Дело казалось ясным; детективы быстро оформили ордер на обыск, изъяли подозрительные вещи и привезли их в здание полицейского управления для сортировки. Внимание полицейских привлекло массивное женское золотое

кольцо с бриллиантами из разряда тех, что именуют в США «кольцом для вечеринок»; на внутренней поверхности можно было видеть гравировку «М. Шэппард».

Детектив Адельберт О'Хара поинтересовался у задержанного, откуда у него это кольцо. Эберлинг объяснил, что не так давно мыл окна в доме Стивена Шэппарда и там похитил это колечко. Детектив ничего не знал о разделе имущества между братьями Шэппард, зато он читал статью Пола Кирка в журнале «Криминалист» и хорошо помнил вывод автора о наличии на месте убийства следов крови неизвестного человека. Полицейский решил немного поиздеваться над мелким воришкой и, демонстрируя недоверие к словам задержанного, задал другой вопрос: «Почему же тогда твою кровь нашли в спальне убитой Мэрилин Шэппард?» Эберлинг как будто бы растерялся, но быстро взял себя в руки и ответил, что незадолго до трагических событий в Бэй-виллидж мыл окна в доме Шэппард и порезал палец; хозяйка дома разрешила ему промыть рану под краном в туалете второго этажа.

Эберлинг дал плохой ответ; надо было быть очень наивным человеком, чтобы удовлетвориться такой отговоркой.

Недоверие кливлендских детективов ещё более усилилось, когда из полицейского архива поступило запрошенное «дело» на Эберлинга. Стекломой оказался ещё тем жуком!

Ричард Эберлинг, он же Джордж Ленардик, во время задержания полицией Кливленда в 1959 г. Этот вор, мошенник и убийца окажется причастен к «делу Сэма Шэппарда» много ближе, чем это сочтут поначалу. Но пройдут многие годы, прежде чем странные совпадения, связанные с действиями и словами этого человека, получают должную оценку.

Родился он 8 декабря 1929 г., и звали его поначалу Джордж Ленардик. Мама Джорджа была проституткой, и её быстро лишили родительских прав, папу, понятное дело, мальчик никогда не знал, хотя всю свою сознательную жизнь с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытался отыскать. Это желание постепенно превратилось в его навязчивую идею.

Джордж Ленардик был усыновлён зажиточным фермером Джорджем Эберлингом, человеком твёрдых религиозных установок, который тщетно пытался вырастить из дегенеративного сына шлюхи нормального члена общества. Пасынок откровенно презирал отчима за его трудолюбие и преданность религиозным идеалам. Ленивый, но хитроумный Ленардик рано стал демонстрировать социопатические черты, и, в конце концов, как отмечали все его родственники, вырос форменной сволочью. Уже в начальной школе кроме лживости и склонности к воровству он стал демонстрировать рано пробудившееся половое чувство. Комплекс «дон-жуана» (потребность постоянно менять полового партнёра) Ленардик пронёс через всю свою жизнь; можно сказать, что это была его вторая *ide-fix* после розыска папаши. Имелась и третья, связанная с облысением: волосёнки у Джорджа Ленардика с самой юности были жидкими и стали рано выпадать. Он здорово комплексовал по этому поводу и уже в 20 с небольшим

лет стал покупать парики, собрав, в конце концов, приличную коллекцию. Молодой мужчина с дюжиной париков в чемодане, согласитесь, в любом обществе произведёт странное впечатление!

Джордж Эберлинг чувствовал, что пригрел на груди змею и не хотел разрешать пасынку пользоваться своей фамилией усыновителя, опасаясь, что тот опозорит весь род Эберлингов. Между тем Ленардик был прямо-таки одержим идеей поменять неблагозвучную фамилию матери-еврейки на благородную тевтонскую фамилию «Эберлинг». В 1946 г. Джордж Эберлинг неожиданно скончался – он выпил раствор сулемы, применявшийся на ферме в качестве потравы для вредителей. Джордж вовсе не хотел кончать с собою, просто во время обеда он перепутал стаканы и вместо сока выпил яд. Надо ли особо говорить, что по странному стечению обстоятельств в этот момент с ним не оказалось рядом ни жены, ни сыновей. Один только Ленардик возился в подвале...

Когда вскрыли завещание, выяснилось, что покойный отписал 70% имущества... пасынку. Более того, он разрешил тому взять фамилию Эберлинг.

Это не лезло ни в какие ворота! Подобному завещанию не мог поверить никто, знавший простодушного трудягу-фермера. Сыновья Джорджа Эберлинга возбудили дело о мошенничестве, да только ничего не доказали. В конце концов, Джордж Ленардик удовольствовался выплаченными ему отступными, покинул постылую ферму и укатил жить в Кливленд. Ну и, разумеется, сменил имя и фамилию. Так в 17 лет он превратился в «Ричарда Эберлинга».

Жил молодой человек беспутно, перебивался случайными заработками, учиться и не думал. В 1956 г. он вторично попал в поле зрения правоохранительных органов. В тот год на День Независимости он укатил в лесной мотель с 23-летней Барбарой Энн Кинзел; 5 июля автомашину Эберлинга нашли в лесу, врезавшейся в дерево. Шофёр исчез, а мёртвая женщина с сильно разбитым лицом осталась в салоне. Эберлинг признал, что во время ДТП находился за рулём; по его словам, он не справился с управлением и выкатился за пределы дорожной полосы; увидев мёртвую спутницу, он якобы запаниковал и убежал в лес. Эберлинг не получил ни единого перелома, отделавшись лишь испугом да ссадинами, вообще же, как показала транспортная экспертиза, скорость автомашины в момент удара была очень невелика... Впрочем, смерть Барбары Кинзел никого в дорожной полиции не насторожила, и всё произошедшее списали на несчастный случай.

Теперь вот, в ноябре 1959 г. Эберлинг оказался связан с событиями в доме Сэма Шэппарда. Да притом как связан! Признал возможность присутствия собственной крови на месте убийства!

Кливлендские детективы со всей серьёзностью отнеслись к полученной информации. В клининговой компании они немедленно проверили утверждение Эберлинга о мойке окон в доме Шэппардов в конце июня – начале июля 1954 г. Выяснилось, что такие работы действительно проводились 2 июля того года. Одновременно с этим полицейские предложили задержанному проверку на полиграфе. Тот согласился.

Оператором «детектора лжи» был полицейский Кимбелл. Опрос Эберлинга состоялся в тот же самый день, что и задержание – 4 ноября 1959 г. Оператор счёл полученный результат вполне удовлетворительным для того, чтобы снять подозрения с Ричарда Эберлинга. Полицейские успокоились, правда, соблюдая формальность, позвонили адвокату Корригану-старшему и рассказали об обнаружении кольца Мэрилин Шэппард. Адвокат поначалу заинтересовался этой историей, но услышав, что Эберлинг благополучно прошёл проверку на полиграфе, сразу потерял к ней интерес.

Момент сей весьма любопытен, поскольку выпукло демонстрирует характерную для многих образованных американцев (неглупых, в общем-то, людей) формализм и даже примитивность мышления. Они до такой степени верят в прогресс и непогрешимость техники, что не задумываются над тем, как эта слепая вера может жестоко их обмануть. Несмотря на кажущуюся

щуюся эффективность, полиграф не является и не может являться абсолютным по эффективности прибором установления истины. Практика показывает, что примерно 4% людей обманывают «детектор лжи», даже не имея специальных знаний о том, как это надо правильно делать. В том случае, когда люди специально обучаются обману полиграфа, процент успешно проходящих проверку лгунов резко возрастает и превышает 50%. Американцы были шокированы, когда в 70-х гг. 20-го столетия узнали о том, что направляемые на работу за границу сотрудники советских спецслужб поголовно обучаются технике противодействия полиграфу. ЦРУ и ФБР США считали, что владеют «абсолютным оружием» установления истины, однако, как это часто бывало в истории прежде, «абсолютное оружие» оказалось в отношении русских вовсе не «абсолютным». Конечно, американцы тут же постарались усложнить работу своих «детекторов лжи», значительно увеличив число каналов съёма информации (сейчас их число достигает трёх десятков), усложнив вербальную технику допроса с использованием полиграфа, но на все эти хитрости всегда вырабатывались эффективные контрприёмы.

В принципе, для того, чтобы успешно противостоять допросу с использованием полиграфа, человек должен уметь быстро «раскачивать» свою нервную систему, нагнетать и снимать напряжение. Значительное число истериков, психопатов, профессиональных актёров прекрасно умеют это делать без всякой подготовки на спецсеминарах. Когда такой человек получит теоретические знания о том, в чём же именно состоит хитрость построения допроса с использованием полиграфа, он не позволит себя поймать на лжи. В худшем для него случае результат проверки окажется «неопределённым». Следует помнить, что анализирует результаты допроса всегда человек (оператор полиграфа), а потому задача, фактически, сводится к обману именно его, а вовсе не машины (это обстоятельство американцы тоже упускали из вида).

Примечательно, что в конце 80-х гг. 20-го столетия до американцев дошло, наконец, что полиграф может быть обманут, и показания к использованию допроса с его применением значительно изменились. Теперь считается, что допрос с использованием «детектора лжи» эффективен лишь в том случае, если с момента преступления прошло немного времени и преступник всё ещё переживает острый стресс. Чем больше проходит времени с момента преступления, тем ниже оцениваются шансы на разоблачение виновного посредством «детектора лжи».

Завершая разговор о применении полиграфа в следственной практике, можно добавить, что в СССР и РФ это устройство никогда не абсолютизировалось и не рассматривалось как безусловно надёжное. Хотя уже с 60-х гг. прошлого века полиграфы широко использовались отдельными подразделениями КГБ СССР и ГРУ ГШ МО, применение их было скорее прикладным, нежели по прямому назначению. С помощью импортных «детекторов лжи», например, проверялись психомоторные реакции, полушарность мышления, решались специфические задачи в интересах психологической поддержки личного состава, проводились собеседования разного профиля. Работа эта велась с личным составом подразделений спецслужб, и в собственно следственной практике полиграфы почти не использовались. Дорогу широкому применению «детекторов лжи» в раскрытии преступлений открыл Приказ МВД РФ от 28.12.1994 г. «Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан» (сама Инструкция, утверждённая Генеральной прокуратурой, МВД и ФСБ РФ, зарегистрирована в Министерстве юстиции 28.12.1994 г.). Можно сказать, что только с этого момента началось открытое использование полиграфа в нашей стране.

Завершая разговор о судьбе Ричарда Эберлинга, остаётся добавить, что в 1959 г. он отделался всего лишь испугом: его условно приговорили к 90-дневному тюремному заключению. В дальнейшем судимость сняли ввиду его примерного поведения, так что в тюрьму Ричард Эберлинг тогда не попал.

В 1959 г. Сэм Шэппард-старший принял участие в исследовательской программе по изучению влияния на человека различных патогенных и вредных воздействий. Надо сказать, что

американцы довольно широко испытывали на людях различные лекарства, токсины, опасные излучения (радиоактивные, СВЧ-, акустические). Основной контингент испытуемых составляли узники тюрем, приговорённые к смертной казни или очень длительным срокам заключения; за участие в испытаниях им обещали смягчение режима содержания и разного рода поблажки. Известный преступник Натан Леопольд, участник на шумевшего в 1924 г. «убийства ради удовольствия» (так называемое «дело Леопольда-Лёба»), благодаря участию в программе испытаний новых штаммов тифа был помилован в 1958 г. Очевидно, Сэм Шэппард надеялся повторить его результат. Он записался в программу по изучению вопроса о возможности искусственного инфицирования человека онкологическими заболеваниями и получил ряд инъекций с живыми раковыми клетками.

На протяжении двух лет за состоянием его здоровья наблюдали врачи, после чего был сделан вывод о непривитии рака. Сейчас считается, что онкологическое заболевание невозможно вызвать инъекцией или переливанием крови, но полвека назад медицинская наука имела на сей счёт весьма противоречивые суждения.

В начале 1961 г. увидела свет книга американского судьи Пола Холмса «Дело об убийстве Шэппард» (Poul Holmes: «The Sheppard murder case»). Это был первый печатный материал, подвергавший официальную версию событий 1954 г. серьёзному анализу и оценке. Последняя получилась у Холмса на редкость нелицеприятной: осуждение Сэма Шэппарда автор книги назвал «позором американского правосудия». Холмса как профессионального юриста интересовали прежде всего не криминалистические версии и умозаключения, а процедурная сторона следствия и судебного процесса в Кливленде. Приведя обширные фрагменты судебной стенограммы, выдержки из газет, теле- и радиорепортажей, автор на их основе показал вопиющие нарушения духа и буквы американских законов, допущенные коронером Сэмюэлем Гербером и судьёй Эдвардом Близиным. Впрочем, последнему разоблачения Пола Холмса уже ничем не грозили: в 1958 г. он умер, окружённый всеобщим вниманием и почтением.

1961 г. принёс семье Шэппардов новые проблемы. Во время остеопатических манипуляций Стива скончался пациент; родные потребовали от доктора компенсации, тот платить отказался. Последовало обращение в суд, который Стивен Шэппард проиграл; в октябре он был вынужден выплатить семье погибшего 50 тыс. \$. Ещё до вынесения приговора скончался адвокат семьи Шэппард – Уильям Корриган-старший. Произошло это 30.07.1961 г.

Ричард и Стив, однако, не забыли находившегося в тюрьме брата. После смерти адвоката они обратились к Полу Холмсу с просьбой принять на себя его функции и попытаться организовать процесс по освобождению Сэма. Холмс отказался от предложения, но ответил, что ему знаком достойный человек, который мог бы взяться за это дело.

Речь шла о Френсисе Ли Бейли.

Человек этот хорошо знаком всем, интересующимся историей преступности в Соединённых Штатах. Адвокат Ли Бейли не раз появлялся в моих работах, посвящённых «Бостонскому Душителю»¹ и «Зодиак»², расследованиях, прямо скажем, далеко не рядовых. Поскольку фамилия этого незаурядного юриста снова всплывает в неординарном расследовании, имеет смысл подробнее рассказать о его судьбе.

¹ Имеется в виду обширное исследование, вышедшее в 2019 году на платформе «ридеро»: Ракитин А. И. «История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования. Книги I – II». Ныне эта работа находится в продаже во всех магазинах электронной книжной торговли.

² Документальный очерк, посвященный этому серийному убийце, под названием «1968 год. Зодиак: история убийцы – графомана» включён в сборник «Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX – XX столетий. Книга II». Сборник опубликован с использованием книгоиздательского сервиса «ридеро» в июне 2021 года и ныне доступен во всех магазинах электронной книжной торговли.

Френсис Ли Бейли. Фотография сделана в середине 1960-х гг., в то самое время, когда адвокат работал по делу «Бостонского Душителя».

Ли Бейли родился 10 июня 1933 г., в 1950 г. поступил в Гарвардский колледж, но обучение не закончил, поскольку в 1952 г. был призван на действительную военную службу в Корпус морской пехоты, где попросился в школу пилотов лётчиков-истребителей. Через 2 года он получил допуск к полётам, в том числе и с авианосцев. В качестве лётчика он отслужил ещё два года и демобилизовался в 1956 г. Любовь к авиации Ли Бейли пронёс сквозь всю свою жизнь; разбогатев, он купил самолёт, на котором летал через всю страну (общий его налёт в качестве пилота реактивного самолёта превысил 15 тысяч часов, что очень много). Кроме того, в 70-е годы Ли Бейли учредил и возглавил компанию «Enstrom», расположенную в г. Меномайн, штат Мичиган. Компания эта специализировалась на разработке и производстве комплектующих для вертолётов.

Вернувшись из армии, Френсис продолжил обучение в Гарварде, курс он закончил в 1960 г. лучшим студентом в выпуске юридического факультета. В качестве адвоката ему довелось поучаствовать в большом количестве сенсационных процессов. В их ряду, кроме уже

упоминавшихся, можно назвать и защиту Патрисии Хёрст, и участие в защите О-Джея-Симпсона.

Давно замечено, что талантливый человек талантлив во всём. Наблюдение это в отношении Ли Бейли совершенно справедливо – он не только энергичный и оригинально мыслящий юрист, но и выдающийся менеджер. Помимо компании «Enstrom», Френсис является учредителем или членом правления ещё полудюжины успешных предприятий, в том числе крупного издательства «TelShare». Им самим или в соавторстве написаны более 70 книг, в которых он предстаёт как талантливый публицист; кроме того, за всю свою жизнь Ли Бейли прочёл более 2,5 тыс. публичных лекций. Френсис регулярно появлялся на телевидении, в том числе в самых рейтинговых программах, так что этот адвокат известен воистину всей стране. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что Ли Бейли – это хорошо раскрученный бренд, широко известная торговая марка.

В 1994 г. одним из клиентов Френсиса Ли Бейли стал наркоторговец Клод ДюБок. Последний владел пакетом акций фармацевтической компании стоимостью около 6 млн.\$; согласно решению суда ДюБок должен был передать акции американскому правительству (если точнее – правительству штата Флорида). Ли Бейли задержал перевод акций, требуя оплаты собственных услуг из их стоимости (поскольку ДюБок оказался разорён в результате конфискации и не мог оплатить адвокату его услуги). Более полутора лет тянулась переписка по этому вопросу; за это время стоимость акций достигла 21 млн.\$. В конце концов, Верховный Суд штата за неуважение к суду наложил на Ли Бейли штраф в размере 2,3 млн.\$. Адвокат отказался его оплачивать, за что был приговорён к 6-месячному тюремному заключению. Сначала Ли Бейли скрылся от правосудия, явно рассчитывая добиться отмены приговора, но по здравому размышлению решил сдаться властям. 8 марта 1996 г. он был помещён в тюрьму города Таллахасси, где пробыл в заключении 44 дня. После этого Ли Бейли выплатил наложенный штраф и вышел на свободу.

В настоящее время – речь идёт об осени 2023 года – Ли Бейли жив и несмотря на 90-летний возраст вполне активен.

О своём участии в «деле Сэма Шэппарда» адвокат рассказал в книге «Защита никогда не отдыхает» (Francis Lee Bailey: «Defense Never Rests»), изданной в 1971 г. и ставшей с той поры подлинным бестселлером.

Френсис Ли Бейли принял предложение Пола Холмса и приехал в Кливленд для встречи с братьями Шэппард. Сначала он повидался со Стивом, после чего вместе с последним отправился в тюрьму на встречу с Сэмом. Честолюбивый адвокат, убедившись в наличии огромного числа процедурных нарушений и сомнительности выдвинутого против Сэма Шэппарда обвинения, понял, что это дело даёт ему реальный шанс прославиться на всю страну. Единственное, что от него требовалось – грамотно подойти к выработке алгоритма действий.

Для пересмотра приговора в отношении Сэма Шэппарда адвокат решил апеллировать к существующей в англо-американском правосудии юридической норме, именуемой «habeas corpus». Это словосочетание восходит к закону, принятому в Великобритании в 1679 г., который обязывал судебную власть проверять правильность ареста по требованию заинтересованного лица. С течением времени норма эта несколько видоизменилась, но суть её осталась прежней: от судьи можно требовать проверки правильности ареста и помещения в тюрьму любого лица, даже в том случае, если лицо это лишено свободы на основании приговора суда. Разумеется, подобная проверка возбуждается не на основании голословной просьбы, а при предъявлении свидетельств, позволяющих усомниться в справедливости заявленного подозрения, официально выдвинутого обвинения или вынесенного приговора. В каком-то смысле принцип «habeas corpus» аналогичен существующему в отечественной судебной практике понятию «возбуждение дела по вновь открывшимся обстоятельствам», хотя первый несколько шире и может быть применен вообще к любым видам лишения человека свободы. Имеются опре-

делённые ограничения на применение этого принципа, но для нас сейчас важно то, что к Сэму Шэппарду они не имели отношения, а значит, данная норма могла быть к нему применена.

Френсис Ли Бейли, апеллируя к «*habeas corpus*», решил вновь открыть «дело Сэма Шэппарда». Разумеется, для этого необходимы были серьёзные основания. Работу свою адвокат повёл в нескольких направлениях:

- проведение проверки Сэма Шэппарда на полиграфе с целью получения аппаратно подтверждаемого свидетельства его невиновности;

- применение к Сэму Шэппарду гипноза или "сыворотки правды" для получения глубоких, скрытых в подкорке головного мозга воспоминаний о событиях ночи с 3 на 4 июля 1954 г., о существовании которых сам осуждённый мог даже и не догадываться;

- проведение самостоятельного расследования убийства Мэрилин Шэппард, с целью установления событий, фактов и свидетелей, о которых полиция и прокуратура не смогли узнать во время расследования (либо узнали, но не пожелали предать огласке ввиду противоречия официальной версии);

- проведение в средствах массовой информации активной кампании в поддержку Сэма Шэппарда, в целях оказания давления на судебные инстанции в благоприятном для осуждённого направлении.

Подав прошение о допуске к заключённому врача-гипнолога и специалиста по допросам с полиграфом, Ли Бейли принялся за «работу с прессой». Начал он с упоминавшегося уже Луиса Зельцера, поскольку этот писак являлся наибольшим антагонистом Сэма Шэппарда и, очевидно, мог представить большую опасность при пересмотре дела.

Френсис Ли Бейли явился в кабинет Зельцера и объяснил тому, что намерен добиться освобождения осуждённого. Поскольку газета, редактируемая Зельцером, и сам он лично много сделали для того, чтобы опорочить невиновного человека и дискредитировать его в глазах жителей города, Ли Бейли предложил журналисту исправить ошибки прошлого и возглавить кампанию по реабилитации Сэма Шэппарда. Адвокат обещал предоставить возглавляемому Зельцером изданию информацию, доказывающую несправедливость суда 1954 г. Зельцер стал издеваться над Ли Бейли и, в конце концов, ядовито поинтересовался, что тот вообще сможет ему сделать? "Для начала я набью тебе морду, а ты попробуй подать на меня в суд!" – выкрикнул адвокат. Редактор тут же вызвал в кабинет помощников из соседней комнаты, но Ли Бейли, не беспокоясь из-за присутствия свидетелей, трижды ударил Зельцера по лицу, после чего спокойно вышел из редакции. Его никто не остановил. Примечательно, что никто из подчинённых не бросился на защиту редактора, видимо, все знали, какая это каналья!

В дальнейшем Ли Бейли всегда с удовольствием рассказывал об этом эпизоде, в том числе и в телевизионных передачах. Когда Зельцера спрашивали о подробностях инцидента, тот неизменно отвечал, что Ли Бейли всё выдумал и никакого мордобоя не было. Адвокат же в развернувшейся заочной полемике всегда указывал на наличие свидетелей этой сцены, которые подтвердят под присягой точность его слов.

В общем, Ли Бейли жестоко и унижительно отомстил Зельцеру. Надо ли говорить, что никакого вызова в суд не последовало? Журналист перепугался до такой степени, что в дальнейшем никогда не писал о Сэме Шэппарде. Случившееся, кстати, послужило отличным уроком и прочим кливлендским писакам – в последующие годы все публикации о "деле Сэма Шэппарда" носили либо подчёркнуто нейтральный, либо благожелательный тон.

Из событий 1961 г. следует упомянуть о ещё одном примечательном факте: в конце года развелись Спенсер и Эстер Хоук. История получилась некрасивой – жена обвиняла мужа в том, что тот педераст и гуляет от неё направо и налево. Спенсер в свою очередь заявлял, что сильно страдает от психических отклонений неумеренно пьющей супруги и не живёт с ней как с женщиной уже несколько лет. Эстер действительно много пила и периодически безуспешно лечилась от этого порока.

Ли Бейли, приступая к сбору сведений о событиях 1954 г., с удивлением обнаружил, что репутация бывшего мэра Бэй-виллидж среди избирателей была, мягко выражаясь, не на высоте. В городке циркулировали слухи о том, что неслучайно именно Хоуки очутились на месте убийства Мэрилин Шэппард первыми – данное обстоятельство казалось многим весьма подозрительным. Разумеется, Ли Бейли прекрасно знал о том, что в своё время полиция Кливленда задерживала Спенсера Хоука и обвиняла его в убийстве Мэрилин Шэппард.

Ли Бейли удалось отыскать важного свидетеля, о котором ничего не знали ни полицейские, ни братья Шэппард. Некто Джек Кракан, работавший в 1954 г. в булочной, сообщил адвокату, что лично видел, как незадолго до своей гибели Мэрилин Шэппард отдала ключи от дома некоему неизвестному мужчине, сказав при этом: "Только чтобы Сэм не видел!" Произошло это в булочной, и встреча – явно неслучайная! – была обставлена так, чтобы не возбудить чьих-либо подозрений. Кракан утверждал, что может поклясться в точности своих слов, и был готов свидетельствовать в суде.

Разумеется, Ли Бейли повидался и с Ричардом Эберлингом. Тот тоже рассказал немало интересного. Согласно версии событий, изложенной Эберлингом, 2 июля 1954 г. (то есть в тот день, когда он мыл окна в доме Шэппард) к Мэрилин в гости приехал Спенсер Хоук. Произошло это примерно в 11 часов, Сэм Шэппард ещё находился дома. Формальным поводом для визита мэра послужила доставка заказанного мяса – Спенсер Хоук владел мясным магазином, и поскольку проживал по соседству с Шэппардами, то по пути домой завёз сделанный по телефону заказ. Из дружеских, так сказать, чувств, по-соседски. В начале двенадцатого часа или чуть позже Сэм Шэппард уехал на своём "ягуаре" на работу, и Мэрилин осталась со Спенсером с глазу на глаз. Они довольно долго пробыли наедине. В конце концов, в доме Шэппардов появилась разъярённая Эстер Хоук, которая закатила страшный скандал и вопила, что убьёт Мэрилин. Спенсеру пришлось силой увести взбеленившуюся супругу. Мэрилин, понимая, что Эберлинг оказался невольным свидетелем некрасивой сцены, объяснила свидетелю, что Эстер – психически нездоровая женщина, и потому не следует её слова принимать всерьёз. Выглядела она при этом крайне смущённой.

Собирая сведения о процессе 1954 г., Ли Бейли посетил здание суда, где тот проходил. Он обратил внимание на то, что зал, отведённый под слушания, практически не имел свободного места, между тем было известно, что перед процессом в этом зале поставили дополнительный ряд кресел. Реконструируя события того времени, адвокат выяснил, как именно был установлен дополнительный ряд кресел, и измерил расстояние от него до стола, за которым помещались защитники. Оно составило всего 1,2 м – ровно столько, чтобы адвокаты, отодвигая стулья, не ударяли ими по коленям сидевших в первом ряду журналистов. Это было неслыханно! Понятно, что ни о каких доверительных переговорах за столом защиты не могло быть и речи – сидевшие вплотную журналисты могли слышать практически всё. Кроме того, они могли читать записи адвокатов. Получалось, что судья Эдвард Близин, санкционировавший перестановку в зале накануне процесса, посягнул не только на тайну совещательной комнаты присяжных, но и на адвокатскую тайну тоже!

Кроме того, Френсису Ли Бейли удалось раздобыть сведения о возможной измене мужу Мэрилин Шэппард. Следствие в 1954 г. совсем не интересовалось этим вопросом, между тем односторонний упор на измены мужа без изучения поведения жены вряд ли был способен дать объективную картину внутрисемейных отношений. Ли Бейли нашёл свидетеля, своими глазами видевшего, как Мэрилин Шэппард целовалась с мужчиной, который не был Сэмом. Свидетель знал этого человека, и он назвал его адвокату, но тот в своей книге фамилию эту не повторил. Нам ещё придётся вернуться к обсуждению этого направления розысков Ли Бейли, поскольку в силу ряда обстоятельств их результат так и не был обнародован.

Адвокату удалось осуществить проверку Сэма Шэппарда на полиграфе. Осуждённый успешно её прошёл. Впрочем, с точки зрения современных представлений о технике подоб-

ных допросов следует заметить, что такой допрос не может считаться репрезентативным. Сейчас американские специалисты по работе с полиграфом считают, что по прошествии большого отрезка времени с момента проверяемого события (в нашем случае – 8 лет) острота восприятия случившегося сильно снижается, и достоверность проверки стремится к нулю. Но в начале шестидесятых годов прошлого века на это дело смотрели иначе.

С Сэмом Шэппардом поработал и врач-гипнолог. Результат оказался неожиданным даже для самого осуждённого. В состоянии транса Сэм рассказал, что во время нападения на Мэрилин в спальне находились два человека, но он видел только одного из них – второй стоял в стороне от двери, и когда Сэм вбежал в комнату, тот оказался у него за спиной. Он-то и ударил Шэппарда по затылку. Впоследствии, придя в сознание, Сэм увидел, что этот человек хромот. Находясь в полубессознательном состоянии возле кровати жены, Сэм Шэппард слышал, как нападавшие обсуждали, что с ним делать. В конце концов, они решили его не добивать, полагая, что он скончается и так. В какой момент времени и почему разделились эти люди, Сэм Шэппард вспомнить не мог.

Ведя поиск лиц, способных помочь ему в его деле, Френсис Ли Бейли связался с упоминавшейся выше Доротой Килгаллен, знаменитой американской тележурналисткой. Дороти очень сочувственно относилась к Сэму Шэппарду, считая его осуждение несправедливым. Она рассказала адвокату о беседе с судьёй Эдвардом Близиным, состоявшемся накануне открытия процесса 1954-го года. Последний сказал ей буквально следующее: «Это дело открыто и закрыто одновременно. Шэппард адски виновен, и в этом нет никаких сомнений!» Килгаллен, по её словам, была поражена тем негативным чувством, с каким судья относился к обвиняемому; понятно, что ни о каком беспристрастном рассмотрении дела при подобном отношении не могло быть и речи. Разумеется, свидетельство Дороты Килгаллен было очень важно; Ли Бейли попросил журналистку повторить свой рассказ в суде, и она дала слово быть свидетелем защиты.

Кстати, Килгаллен очень помогла Ли Бейли и в другом деле: она ввела его в круг телевизионных продюсеров и журналистов, чем адвокат не преминул воспользоваться в интересах дела. Бойкий, говорливый, энергичный, мгновенно переходящий от тонкой иронии к глубокому сарказму, Ли Бейли великолепно вписывался в формат телевизионных шоу. Он являлся презанятным собеседником, не нуждался в шпаргалках и моментально находил удачные ответы – о подобном госте программы мог мечтать любой телеведущий. В 1962 г. Ли Бейли появился в телевизионной программе с переносным "детектором лжи" и "подверг допросу" популярную актрису Доди Гудмен. Помимо хохмочек и комплиментов звезде, он успел рассказать телезрителям о принципах работы полиграфа и о "деле Сэма Шэппарда". Передача с участием Ли Бейли до того понравилась аудитории, что вызвала шквал телефонных звонков. Адвоката стали наперебой зазывать в различные телепрограммы, и он везде обязательно упоминал о проводимой им подготовке пересмотра дела.

Следующим весьма удачным ходом Ли Бейли явилось учреждение благотворительного фонда в поддержку невинно осуждённого Сэма Шэппарда. В принципе, Шэппарды были весьма зажиточны, и благотворительные взносы в фонд, разумеется, не могли компенсировать их затрат, но тут важен был не финансовый аспект, а возможность проведения шумной PR-кампании. Всевозможные публикации и интервью, вызванные якобы необходимостью сбора средств, на самом деле преследовали совсем иную цель – они формировали в обществе благожелательное отношение к заключённому.

В этом непростом деле очень к месту пришлось событие, не связанное напрямую с деятельностью Ли Бейли, но использованное им с максимальной эффективностью. В начале 1963 г. по американским телеканалам началась трансляция криминального сериала «Беглец», основанного на фабуле «дела Сэма Шэппарда». Многие сюжетные повороты напрямую были позаимствованы из жизни; даже настоящего преступника режиссёр Рой Хаггинс поначалу

хотел сделать «высоким брюнетом в белой рубашке». Лишь в последний момент по настоянию юристов, испугавшихся возможного судебного преследования из-за очевидных аналогий, убийца стал «высоким и одноруким». По сюжету главный герой сериала ошибочно обвинялся в убийстве жены, попадал в тюрьму, но бежал оттуда и принимался за самостоятельные розыски убийцы. «Беглец» сделался в 1963 г. самым высокорейтинговым сериалом за всю историю американского телевидения. В 1993 г. по мотивам сериала «Беглец» был снят фильм с Харрисоном Фордом в главной роли.

13 февраля 1963 г. отец Мэрилин Шэппард – Томас Риз – покончил жизнь самоубийством. Он выстрелил себе в голову из дробовика.

Ровно через два месяца – 13 апреля 1963 г. – Френсис Ли Бейли зарегистрировал иск о проверке правильности заключения под стражу Сэмюэля Шэппарда. В исковом заявлении адвокат указывал на нарушение фундаментального конституционного права обвиняемого – права на объективное правосудие и приводил большое число конкретных примеров предвзятого отношения к нему со стороны журналистов и представителей власти. Отдельным пунктом иска явилось перечисление многочисленных нарушений процессуальных норм, допущенных судьёй Эдвардом Близиным.

Следует отметить, что активность Ли Бейли не прошла незамеченной лицами, причастными к обвинению Шэппарда. Коронер Сэм Гербер, приложивший свою руку к формированию негативного отношения к обвиняемому, ещё до рассмотрения иска Ли Бейли по существу поспешил выступить с примечательной, но довольно странной инициативой: он направил письмо министру юстиции штата Огайо Уильму Саксби, в котором предложил тому выступить с инициативой... помилования Сэма Шэппарда Губернатором. Причём о своей гуманной активности Гербер поспешил сообщить журналистам, сам же министр с ними на эту тему говорить отказался и, кстати, странную просьбу коронера отклонил.

Коронер – это должность, находящаяся в служебном отношении много ниже министра юстиции и не в прямом подчинении последнего. Посылка подобного письма явилась со стороны Гербера явной бестактностью; кроме того, не имелось никаких фактических оснований для реализации того предложения, с которым выступил инициативный коронер. Объяснение этого странного поступка может быть только одно – шкурный интерес. Гербер, убедившись в серьёзности намерений Ли Бейли, испугался, что пересмотр дела вскроет его собственные – коронера – глупость, некомпетентность и произвол, столь ярко продемонстрированные в 1954 г. Стремясь упредить разоблачительные открытия, которые могли бы последовать в ходе нового суда, Гербер испытал прилив столь несвойственного ему гуманизма, выразившийся в инициативе с письмом министру юстиции.

В 1963 г. в жизни Сэма Шэппарда произошло весьма примечательное событие: он впервые увиделся с Ариан Теббенджоханнс (Ariane Tebbenjohanns), немкой из ФРГ, принявшей живое участие в его судьбе. Ещё в 1957 г. она случайно узнала о «деле Сэма Шэппарда», прочитав статью в немецком журнале о загадочном убийстве в Бэй-виллидж и экспертизе Пола Кирка. Когда Ли Бейли создал благотворительный фонд в поддержку осуждённого, Ариан прислала самый большой денежный перевод – 1 тыс. марок ФРГ (немногим более 250 \$). Родившаяся в 1931 г. очаровательная немка являлась наследницей большого состояния, была замужем за владельцем крупных сталелитейных заводов, но развелась с ним и приехала в США, чтобы помочь Ли Бейли в деле освобождения Сэма Шэппарда. Появление в команде его сторонников обаятельной и притом богатой блондинки добавило истории романтический оттенок и весьма способствовало росту общественного интереса к действиям Ли Бейли (что последний, разумеется, только приветствовал).

Во время своей первой встречи с осуждённым Ариан подарила ему прядь своих волос. Начальник тюрьмы Максвелл, узнав о подарке, высмеял Сэма Шэппарда перед строем заключённых. Разгневанный Шэппард, понимая, что не может ударить тюремщика без угрозы добав-

ления себе новых лет отсидки, плюнул ему в лицо на глазах сотен людей. За этот поступок он был немедленно избит конвоем и помещён на неделю в карцер: начальник тюрьмы поместил бы его туда и на больший срок, да только правила тюремного распорядка запрещали держать узника в бетонном мешке более 7 дней.

История с помещением в карцер наделала много шума и прибавила Сэму Шэппарду популярности. И заключённые тюрьмы, и конвоиры открыто заявляли о своей симпатии пострадавшему; Ли Бейли выжал из случившегося максимум возможного. Во всех интервью и выступлениях на публике он говорил о произволе тюремной администрации и делал это, как всегда, толково и зажигательно. В конечном итоге тюрьма в Кливленде была закрыта, переведена за пределы города, а штат её переформирован. Начальник тюрьмы, надо думать, сам был не рад той кутерьме, что заварил неудачной насмешкой над заключённым Сэмом Шэппардом.

Френсис Ли Бейли и Ариан Теббенджоханнс (на заднем плане) дают интервью журналистам после очередного посещения Сэма Шэппарда в тюрьме.

Ожидание судебного разбирательства затянулось более чем на год, сам же суд потребовал всего двух дней – с 14 по 16 июля 1964 г. Вёл процесс судья Вейнман. Ознакомившись с представленными образчиками журналистского творчества 1954 г., допросив Дороти Килгаллен и некоторых членов жюри присяжных, он без лишних проволочек вынес приговор. Судья констатировал пять нарушений конституционных прав Сэма Шэппарда, допущенных Близиним во время подготовки и проведения судебного процесса в 1954 г.:

- отказ судьи изменить место рассмотрения обвинения из-за неблагоприятного освещения в местной прессе обстоятельств дела;
- неспособность судьи подобрать беспристрастное жюри, то есть неосведомлённое о деталях расследования и лишённое предвзятого отношения к обвиняемому;
- недопустимое в суде упоминание об отказе обвиняемого пройти проверку на "детекторе лжи", допущенное обвинителем и не дезавуированное судьёй (напомним, что отказ от проверки на полиграфе по законам штата Огайо не мог рассматриваться как свидетельство виновности и не подлежал оглашению в суде);
- неправомерные и недопустимые контакты между членами жюри присяжных и внешними источниками информации как во время судебного процесса 1954 г., так и в период обсуждения вердикта после его закрытия;
- наличие у судьи Эдварда Близина предвзятого мнения в отношении обвиняемого ещё до начала суда, которое он проявил во время беседы с Дороти Килгаллен.

Как заявил судья, каждое из этих пяти нарушений представляется столь серьёзным, что делает приговор в отношении Сэма Шэппарда "ничтожным".

В своём решении судья Вейнман особо указал на аморальность некоторых публикаций местных газет, а поведение журналистов газеты "Кливленд пресс", возглавляемой Луисом Зельцером, назвал "коварным".

Сэм Шэппард подлежал освобождению из-под стражи под залог 10 тыс. \$. Прокуратуре штата Огайо давались 60 дней на изучение вопроса о выдвижении нового обвинения в отношении Сэма Шэппарда. В том случае, если прокуратура отказывалась от выдвижения обвинения, Сэм Шэппард должен был считаться "освобождённым окончательно и безоговорочно", а внесённый за него залог подлежал возврату.

1964 год: Сэмюэль Шэппард-старший после судебного заседания, сделавшего его снова свободным человеком.

Это была настоящая сенсация! Узник, проведший в суровом заключении без недели десять лет, выходил на свободу!

У ворот тюрьмы Сэма Шэппарда встречали братья, сын, Ли Бейли, Ариан Теббенджоханнс и 12 автомашин с репортёрами. За освобождённым репортёры катались круглые сутки, не выпуская его из поля зрения. Лишь спустя 40 часов с момента выхода из тюрьмы – 18 июля 1964 г. – Сэму Шэппарду, Ли Бейли и Ариан Теббенджоханнс удалось оторваться от их преследования. Запершись в отеле в Чикаго, Сэм и Ариан бракосочетались; свидетелями на их скромной свадьбе стали Ли Бейли и его жена.

Ариан купила в автосалоне две автомашины: одну подарила мужу, вторую оставила себе.

Сэм Шэппард-младший, Ариан Теббенджоханнс и Сэм-старший в открытой автомашине сразу после освобождения последнего.

Молодожёны в сопровождении Ли Бейли направились к Полу Холмсу, ведь строго говоря, без его книги не было бы описанного выше успеха.

В последующем Сэмюэль Шэппард занялся возобновлением своей лицензии остеопата, дабы вернуться к медицинской практике. Не желая возвращаться в Кливленд, где слишком многое напоминало ему о тяжёлых испытаниях, Шэппард открыл остеопатический кабинет в городе Янгстаун, штат Огайо, примерно в 100 км юго-восточнее Кливленда.

Министерство юстиции штата Огайо, разумеется, оспорило решение суда, ведь согласиться с ним – значило признать неправомерность многолетнего заключения Шэппарда в тюрьме. Апелляцию рассматривал суд 6-го апелляционного округа, который 8 октября 1964 г. постановил отменить решение судьи Вейнмана как выходящее за пределы его компетенции, и перенести рассмотрение «дела Сэма Шэппарда» в Верховный Суд США. Вместе с тем апелляционный суд позволил Шэппарду остаться на свободе под внесённый прежде залог вплоть до вынесения нового приговора.

Верховный Суд США не занимается рассмотрением дел по существу – он исследует правильность исполнения процедурных вопросов судами низших инстанций и точность толкования ими законов. Ожидание в очереди рассмотрения "дела Сэма Шэппарда" растянулось более чем на полтора года.

За это время в поведении Сэмюэля Шэппарда-старшего стали проявляться и всё более усиливаться несвойственные ему прежде черты. Сэм, проведший десять лет в условиях тотального воздержания от спиртного, неожиданно для всех близких начал неумеренно пить. Сын не смог жить с отцом и, поступив в Бостонский университет, уехал от него. В Бостоне, кстати, Сэм-младший два года прожил в доме Ли Бейли, сделавшись, фактически членом его семьи.

Рассмотрение "дела Сэма Шэппарда" в Верховном Суде США произошло 6 июня 1966 г. и не заняло много времени. К началу слушаний судьи, очевидно, уже имели вполне определённое суждение об этом деле. Те нарушения, что констатировал судья Вейнман на процессе 1964 г., были признаны Верховным Судом в полном объёме. Также признавалась неправомерность заключения Сэма Шэппарда под стражу и фактическая недоказанность его вины. Такое заключение автоматически превращало Шэппарда-старшего в невиновного человека. Вместе с тем Верховный Суд США констатировал право окружного суда Кайохога вернуться к рассмотрению обвинения Сэма Шэппарда в убийстве своей жены, если "такое обвинение будет против него выдвинуто в пределах разумного времени".

Постановление Верховного Суда США имело длину более 11 тысяч слов, что довольно необычно для документов такого рода (как правило, подобные постановления примерно в три раза короче). Длина документа указывала на хорошую проработанность вопроса судьями. Из 9 членов суда только 1 проголосовал против вынесенного решения.

Как только решение Верховного Суда было обнародовано, судья округа Кайохога, на территории которого расположен Бэй-виллидж, выступил с заявлением для прессы, в котором сообщил о немедленном возбуждении повторного процесса по делу "народ против Сэмюэля Шэппарда". Подобная реакция была предсказуема, ведь оправдание Шэппарда Верховным Судом автоматически означало, что убийство его жены признавалось нераскрытым.

Прокуратура округа вернулась к закрытому было уголовному делу и начала повторное расследование. Во многом оно носило формальный характер и опиралось на документы, собранные прежде, поскольку новых ценных свидетелей обвинение найти не смогло (или не пожелало). Место убийства к осени 1966 г. уже исчезло: Кливленд в условиях бурного экономического роста страны разрастался и богател, а Бэй-виллидж всё более благоустраивался, а потому участок Сэма Шэппарда был продан, и дом, явившийся местом преступления, пошёл под снос.

Прокуратура округа построила новое обвинение против Сэма Шэппарда-старшего не на новых фактах, а на переосмыслении старых. Или, если говорить точнее, на переносе акцентов. Обвинительное заключение, представленное в октябре 1966 г. в окружной суд прокурором округа Корриганом (это однофамилец прежнего адвоката Сэма Шэппарда, не имевший к тому никакого отношения), имело несколько существенных отличий от прежнего. Документ обходил молчание ряд моментов, представлявшихся прежнему обвинению весьма существенными, в частности:

- оставлял открытым вопрос об оружии убийства. Напомним, что с лёгкой руки коронера Гербера в 1954 г. обвинение доказывало, что орудием убийства явился некий медицинский инструмент, извлечённый убийцей из докторского саквояжа. Теперь же никто в прокуратуре не пожелал вспоминать об этом опрометчивом умозаключении. В 1966 г. обвинение считало, что содержимое саквояжа Сэма Шэппарда оказалось вывалено на пол не в целях поиска подходящего оружия убийства, а для имитации ограбления и похищения ампул с наркотиками;

- обвинительное заключение обошло полным молчанием факты адюльтера Сэма Шэппарда, доказанные в 1954 г. Может показаться невероятным, но о Сьюзен Хейс и намерении обвиняемого развестись с женою в этом документе не упомянуто ни разу! А ведь на фактах неверности мужа прокуратура прежде выстраивала всю собственную версию событий! Разумеется, отказ от такого благодатного для фантазий материала, как супружеская неверность, произошёл вовсе не случайно. Прокуратура была в курсе того, что Ли Бейли активно собирал сведения о чете Шэппард среди жителей Бэй-виллидж и сумел-таки отыскать нечто, способное скомпрометировать погибшую. В свете этого открытия симпатии присяжных вполне могли оказаться на стороне обманутого мужа, который убил неверную жену в состоянии аффекта и, отсидев в тюрьме 10 лет, уже искупил свою вину. Что именно узнал Ли Бейли, никто толком не знал, да и сам адвокат, рассказывая об этом в своей книге, изданной в 1971 г., оказался предельно аккуратен в формулировках, но очевидно, что прокуратура весьма серьёзно отнеслась к его розыскам. Поэтому отказ от упоминаний адюльтера представлял собою своеобразный «ход конём» со стороны окружного прокурора (как станет ясно из дальнейшего – хорошо продуманный и отчасти удавшийся);

- обвинение полностью отказалось от "педалирования" темы "саморанения" обвиняемого. На суде 1954 г. из тезиса об отсутствии многочисленных ударов по голове Сэма Шэппарда представитель обвинения пытался сделать вывод об имитации им нападения на себя. Поскольку многочисленные медицинские специалисты в один голос заявили о серьёзности полученных Шэппардом травм, попытка эта оказалась неудачной. На новом судебном процессе обвинение сменило тактику: по новой версии событий ранения Шэппарду причинила... убитая им жена. Чем именно умудрилась так сильно ударить здорового мужчину хрупкая 55-килограммовая беременная женщина – да притом спросонья! да притом по затылку! – обвинение объяснить не смогло. Можно сказать, что этот вопрос окружная прокуратура обошла с ловкостью слона в посудной лавке;

- обвинение не стало утруждать себя детализацией мотивов преступления, ограничившись указанием на "спонтанно возникший семейный конфликт". Видимо, в прокуратуре сочли, что воображение судьи и членов жюри присяжных дорисует необходимые детали... Что это за конфликт? почему возникший и как протекавший? кто был его зачинщиком? не являлся ли обвиняемый защищаемой стороной? – ответы на эти вопросы прокуратура вынесла "за скобки", понимая, что ничего конкретного сказать об этом не сможет. Во всяком случае, основываясь на материалах расследования;

- фактически всё обвинение по «версии 1966 г.» строилось вокруг того факта, что на часах Сэма Шэппарда-старшего, найденных в зелёном мешке за домом, имелась кровь, в то время как на теле самого обвиняемого крови не было. Из этого формального противоречия делался вывод, что Сэм Шэппард предпринял целенаправленные усилия по устранению сле-

дов крови убитой им жены со своего тела. Другими словами, он разделся, рефлекторно снял с руки часы, после чего принял душ. При этом он упустил из вида, что свежая кровь на часах засохла, и когда он через час-полтора опустил часы на короткое время в воду (дабы вызвать их остановку), кровь не смылась. Прокуратура считала, что наличие крови на часах однозначно указывает на тот факт, что кровь была и на теле самого Шэппарда. Но раз её не оказалось в 6 часов утра – значит, он её предусмотрительно смыл;

– по мнению прокуратуры, обвиняемый с момента убийства жены не отходил далеко от дома и не спускался к озеру. Именно поэтому полицейский Дренкхан видел мокрые следы лишь на трёх верхних ступенях лестницы, ведущей к воде;

– из новой редакции обвинительного заключения исчезло упоминание об огне в камине дома Шэппардов, следы которого якобы видела Эстер Хоук. Само по себе упоминание разожжённого камина могло бы показаться несущественным, однако в 1954 г. это обстоятельство призвано было укрепить точку зрения обвинения, согласно которой Сэм Шэппард действовал по заранее разработанному плану. Огонь в камине он развёл якобы, чтобы сжечь свою окровавленную футболку, которую, напомним, следствию так и не удалось обнаружить. Таким образом, свидетельство миссис Хоук о горячих углях в камине первого этажа дома Шэппардов оказалось тогда очень к месту. Теперь же обвинение предпочло об этом вообще не вспоминать, ибо новая мотивировка убийства («спонтанный семейный конфликт») не укладывалась в прежнюю схему;

– вообще же, обвинение полагало, что Сэм Шэппард действовал спонтанно, не имея ясного плана, по ходу дела пытаясь придумать правдоподобную версию случившегося в ночь с 3 на 4 июля 1954 г. Именно этим и объяснялась, по мнению прокуратуры, явная внутренняя нелогичность картины преступления, которому убийца безуспешно постарался придать вид ограбления. Инсценировка, однако, оказалась разоблачённой, ведь из дома Шэппардов фактически ничего не пропало: исчезновения же наркотиков из докторского портфеля и нескольких десятков долларов из портмоне Сэма-старшего проверке не поддавались. Настоящий грабитель, по мнению прокуратуры, завладев золотыми часами и перстнем хозяина дома, никогда бы не бросил их в кустах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.